

**П.П. Марченя,
С.Ю. Разин**

**Сталинизм и крестьянство:
По итогам первого
Международного круглого стола
(третьего заседания теоретического
семинара «Крестьянский вопрос в
отечественной и мировой истории»)**

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Stalinizm_i_kr.pdf

**Текст произведения используется
в научных, учебных и культурных целях
(Ст.1274 ГК РФ)**

СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО:

По итогам первого Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»)

22 мая 2012 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) состоялся *Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство»*. Это мероприятие проходило в рамках третьего заседания постоянно действующего теоретического семинара «*Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории*», организаторами которого являются Центр аграрных исследований РАНХиГС и научный проект «Народ и Власть: история России и ее фальсификации»¹.

В ходе заседания состоялась оживленная дискуссия. В ней приняли участие (в алфавитном порядке):

кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Вестник архивиста» **И.А. Анфертьев**; *доктор политических наук, профессор Московского государственного педагогического университета* **Н.В. Асонов**; *доктор исторических наук, профессор РАНХиГС* **В.В. Бабашкин**; *доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета* **В.Б. Безгин**; *доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН* **О.Г. Буховец**; *кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного педагогического университета* **И.В. Гончарова**; *доктор исторических наук, заведующий сектором ИНИОН РАН* **А.В. Гордон**; *доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного социально-экономического университета* **Е.И. Демидова**; *доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета* **С.А. Есиков**; *доктор исторических наук, профессор РАНХиГС* **В.В. Зверев**; *доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН* **В.А. Ильиных**; *доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Московского государственного университета им М.В. Ломоносова* **А.И. Колганов**; *доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им В.Г. Белинского* **В.В. Кондрашин**; *главный специалист Российского государственного архива экономики* **М.М. Кудюкина**; *кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) Федерального университета* **Д.И. Люкишин**; *кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент РГГУ* **П.П. Марченя**; *доктор философских наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Высшей школы экономики* **А.Н. Медушевский**; *кандидат экономических наук, директор*

ЦАИ РАНХИГС А.М. Никулин; доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий С.Ю. Разин; доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Л. Роголина; доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета А.П. Скорик; доктор исторических наук, профессор МосУ МВД России А.В. Чертищев; профессор Манчестерского университета, академик РАСХН Т. Шанин; кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института А.И. Шевельков.

Мы предлагаем Вашему вниманию материалы первого заседания Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство».

***

А.М. Никулин: Позвольте начать работу Первого Международного круглого стола «Сталинизм и крестьянство» – и одновременно – третьего заседания постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Хочу напомнить, что этот наш круглый стол проходит в рамках данного семинара, организованного совместными усилиями ЦАИ РАНХиГС и научного проекта «Народ и Власть: история России и ее фальсификации». Слово одному из организаторов нашего семинара С.Ю. Разину.

С.Ю. Разин: Сегодня в работе нашего круглого стола принимает участие патриарх мирового крестьяноведения, основатель знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития» Теодор Шанин. Для нас это очень важно. Это еще раз подчеркивает тот факт, что семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» является продолжателем традиций этого семинара.

Мне кажется, что мы в ходе нашей дискуссии должны попытаться отойти от тех штампов и стереотипов, которые сложились в рассмотрении данной проблемы в отечественной и зарубежной историографии в последние 25–30 лет. Хотелось бы, чтобы мы рассмотрели тему «Сталинизм и крестьянство» в контексте таких более широких, более масштабных проблем как специфика российской модернизации, как система взаимодействия власти и общества в отечественной истории и как соотношение централизма и локализма в российском историческом процессе. Надеюсь, в нашей сегодняшней дискуссии

удастся избежать историографическо- публицистических крайностей сталинизма и антисталинизма. Современный антисталинизм – это тот же сталинизм, только со знаком «минус». В основе и того, и другого феномена лежит одна и та же характерная для отечественной историографии и публицистики вера во всеилие и всемогущество российской власти. Оба феномена являются мифами, далекими от исторической реальности, представляющими собой препятствие на пути к обретению подлинного понимания процессов, происходивших в СССР в конце 20-х – начале 50-х гг. прошлого столетия.

А.М. Никулин: Тогда у меня, коллеги, предложение приступить непосредственно к работе нашего круглого стола. Кто будет первым в своем выступлении? Я думаю, патриархи первыми? Теодор (Шанин) или Александр Владимирович (Гордон)? Я думаю, кто-то из вас наверняка хотел бы сказать первым.

Т. Шанин: Я бы предпочел пока помолчать: я первый раз лично смог придти на этот семинар, очень сожалею, что до сих пор этого не было, в будущем это, надеюсь, станет нормальным – и тогда начну говорить. Я думаю, сейчас должны говорить те, кто были раньше на этом семинаре.

А.В. Гордон: Вы знаете, когда я обдумывал заявленную тему семинара, я испытывал серьезное смущение Что такое сталинизм? По аналогии с историко-партийными документами советской эпохи, в которых ленинизм определялся как марксизм эпохи империалистических войн и социалистической революции, можно сказать, что сталинизм – это марксизм эпохи социалистического строительства. Марксизм рассматривал крестьянство как пережиток прошлого, как уходящую натуру, как социальный слой, обреченный на неминуемую гибель под колесами прогресса. Марксизм был прогрессистским, модернизационным проектом, проектом перехода от феодализма, от аграрного общества к обществу индустриальному, капиталистическому и от него к социализму и коммунизму. Но у нас этот переход к индустриальному обществу осуществлялся совсем не так, как на Западе. Он носил мобилизационный

характер и осуществлялся форсированными темпами. Период первоначального накопления капитала в Англии занял примерно три столетия. А у нас этот процесс занял несколько лет. По сути дела, это был другой тип развития.

Был ли т. Сталин социалистом в вопросе о путях и методах строительства нового, социалистического общества? Насколько строительство нового общества в СССР в 20–30 гг. укладывалось в социалистические понятия? Мне кажется, что Сталиным двигали прагматические соображения *Realpolitik*.

Что касается НЭПа, то т. Сталин не был ни его протагонистом, ни его антагонистом, в отличие от т. Троцкого, который был одним из инициаторов НЭПа. А Сталин – ни туда, ни сюда. К 1927 г. НЭП загнали в тупик. Автор знаменитой фразы «НЭП всерьез и надолго» В. Оболенский говорил, что задача большевиков состоит в том, чтобы научиться торговать для того, чтобы покончить со всякой торговлей. Это высказывание является лишним подтверждением того, что большевистское нутро абсолютно не выдерживало НЭПа. НЭП, за исключением может быть начального периода, проводился большевистскими методами. Все это напоминало скорее не рыночную экономику с развитыми товарно-денежными отношениями, а военный коммунизм. Во всяком случае, товаропроизводителя за несколько лет НЭПа при помощи, по сути дела, конфискационного налогообложения – угробили.

В свою очередь, именно обострение продовольственной проблемы стало источником для развития сталинизма в отношении крестьянства. В ходе своей знаменитой поездки в Сибирь зимой 1927–28 гг., Сталин пришел к выводу о том, что можно вернуться к военному коммунизму, к продразверстке – и получить, таким образом, все, что нужно для решения продовольственного вопроса.

В свое время много говорилось и писалось о так называемом ленинском кооперативном плане. На мой взгляд, это выдумка, хотя и с добрыми намерениями. У В.И. Ленина есть прозрения относительно перегибов социализации деревни, относительно гибкости подхода к крестьянству; но в

целом его мысли можно толковать по-разному. Исходя из этих мыслей, можно было бы обосновать и раскрестьянивание. Если бы моим оппонентом был т. Сталин, то он легко бы доказал, что он-то и есть настоящий ленинец и настоящий социалист.

Еще раз повторю: мой основной тезис состоит в том, что курс на ускоренную коллективизацию – это была прагматическая Realpolitik. Во-первых, решался продовольственный вопрос и, во-вторых, решалась проблема обеспечения порядка. В этой связи считаю уместным поставить вопрос о том, что такое колхозы, колхозная система. Меня всегда раздражает, когда колхозы называют хозяйством. Колхозы не имели ничего общего с нормальным крестьянским хозяйством. Колхоз – это не хозяйство, а механизм управления сельской местностью. Колхоз – это отчужденное от человека, обезличенное производство, главную роль в котором играло прикрепление крестьянина к этому производству. Увы, колхозы оказались довольно эффективным механизмом, позволившим власти полностью подчинить крестьянство.

А.П. Скорик: Мне хотелось бы обратить внимание на традиционный историографический дискурс о так называемой «сплошной коллективизации». Этот часто повторяемый тезис отнюдь не подтверждается эмпирическими данными. Для целого ряда районов Юга России характерен достаточно низкий процент коллективизации. Анализ причин такого положения вещей заслуживает отдельного разговора. Мы же фиксируем внимание на том, что по ряду районов число коллективизированных хозяйств лишь немногим превышало 50%. Своеобразным рекордсменом Ставрополя по количеству единоличников являлся Петровский район, в котором насчитывалось тогда 12,1 тыс. хозяйств не Kooperированных крестьян, или 46,5% от общего числа дворов.

Другой социальный миф – это расслоение крестьянства и его троичное деление на «бедняков», «середняков» и «кулаков». Крестьянство делилось на гораздо большее количество социальных групп. В нашем регионе, в частности, существовала группа так называемых «красных партизан», в среде которых значительным был слой единоличников. Многие «красные партизаны» не

вступали в колхозы вплоть до 1937 г. Власть долго терпела такую ситуацию, пыталась воздействовать мягкой агитацией, а уж позже стала использовать административные методы. Дело в том, что «красные партизаны» в ряде районов советскую власть устанавливали, и она на них держалась в 20-е гг. Существовал и слой единоличников, которых кулаками назвать никак нельзя, но они были вполне зажиточными крестьянами, использовавшими различные способы добывания хлеба насущного. Характерным представителем такой категории хозяйств можно назвать единоличника Семена Маланова из села Сухая Буйвола того же Петровского района. В его хозяйстве наличествовали лошадь, корова, он засеивал 2 га пашни и, очевидно, также имел огород. Жена его довольно часто выезжала в Ростов-на-Дону для прибыльной реализации там масла, сала, яиц и других продуктов своего хозяйства. Более того, она же активно скупала сельхозпродукцию на селе и потом с выгодой перепродавала ее в городе. Из Ростова Маланова привозила домой промтовары (носильные вещи, мыло и т.п.), как для своей семьи, так и с целью продажи односельчанам.

Также мы хотели подчеркнуть, что в ходе коллективизации, помимо колхозов и сельхозартелей, в деревне создавались еще целый ряд структур, о которых мало пишется и говорится. А они сыграли немаловажную роль в колхозном строительстве. Я имею в виду, в частности, так называемые кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц (КОВК) и дома престарелых колхозников (ДПК), которые содержались за счет средств, собранных в этих организациях. Сначала ДПК пытались создавать в каждом колхозе, но потом от этого постепенно отказались и стали организовывать межрайонные дома престарелых колхозников. Так, в 1934 г. Ейская межрайонная касса взаимопомощи Азово-Черноморского края, возглавлявшаяся колхозником Питенко, отправила на курорты 17 человек, а в собственный дом отдыха – 137 колхозников. Она же содержала стационарный медпункт и оплачивала деятельность парикмахера, обслуживавшего колхозников. Итак, мы видим, что в коллективизации есть различные сюжеты. Если говорить о

социальной помощи и поддержке колхозников, то здесь можно найти достаточно много положительных моментов.

Завершая разговор о проблемах коллективизации, хочу сказать, что у нас на Юге во время оккупации в годы Великой Отечественной войны немцы часто сохраняли колхозы. Их этот механизм управления сельским населением вполне устраивал. На Кубани и на Дону фашисты также поддерживали строительство православных церквей. Тем самым, они пытались возродить то, что в значительной мере было уничтожено большевиками в 1920–30-е гг. Эти меры оккупационной администрации получали поддержку населения. В казачьих районах Дона немцы стремились восстановить дореволюционные самоуправленческие структуры и выдвигали станичных атаманов.

О.Г. Буховец: Проблема «Сталинизм и крестьянство» – это, конечно, по своей значимости и масштабам суперпроблема. А.В. Гордон сказал, что колхозы – это, прежде всего, управленческая структура, механизм управления крестьянством. Он также напомнил то, что в годы Великой Отечественной войны партийные, советские, партизанские деятели высказывались за реформу колхозного строя. Но именно как механизм управления крестьянством колхозы вполне устраивали немцев, и поэтому были сохранены ими на оккупированной территории. Например, в Белоруссии немецкая оккупационная администрация всячески поддерживала колхозы, не давала крестьянам разбежаться из колхозов и растаскивать их имущество. Дело доходило до абсурда, до парадоксального. Так, немецкая оккупационная власть в своей повседневной управленческой практике использовала бланки и печати колхозов с такими названиями как «Путь Ленина», «Заветы Ильича» и т.п. Это напоминало крестьянам о том, что большевики имели в виду, когда загоняли крестьян в эти самые колхозы.

Вместе с тем колхозы, на мой взгляд, выполняли не только управленческую функцию, но и миссионерско-социокультурную, культуртрегерскую функцию. Большевизм, безусловно, относился свысока к этому миру мелких производителей. Он рассматривал себя как носителя социальной правды, как силу, которая должна вывести крестьянство из этого

микрокосма общинности в национальный, социалистический, советский макрокосм.

В этой связи, хочу напомнить, что в одной из своих работ Т. Шанин говорит, что скептически относится к теории модернизации, согласно которой в истории неминуемо происходит преобразование аграрных обществ в индустриальные, городские общества. Он подчеркивал, что такое его отношение связано с тем, что крестьянство в рамках этой теории рассматривается как пережиток прошлого, как отсталый социальный слой, являющийся олицетворением азиатчины, дикости и варварства. Мы должны признать, что сталинские практики насильственной модернизации, особенно в период коллективизации, действительно были варварскими, очень жестокими.

В контексте обсуждаемой темы очень важно подчеркнуть, что характерное для марксизма высокомерное отношение к крестьянству, вместе с этими теориями в целом, стало теоретической основой для практической политики во многих странах, включая СССР. Мэтр американской и мировой экономической истории Д. Макклоски очень остроумно сказал, что если вы хотите выстроить к кому-то свое негативное отношение, то надо выбрать угол зрения, в соответствии с которым тот, кого вы низко оцениваете – это варвар, спокойное игнорирование которого есть проявление вашего интеллектуального превосходства. Ярким образчиком такого интеллектуального репрессирования может, к примеру, служить позиция американского историка Дж. Ейни, который говорил, что он не против того, что экономическое развитие пореформенной Российской империи должно было «мобилизовать золотушных дикарей», т.е. крестьян.

Такое высокомерие по отношению к крестьянству проявляется и сегодня, в частности, в занижении уровня сопротивления политике насильственной коллективизации. В связи с этим несколько слов скажу еще о белорусских реалиях. В частности, у меня, в ходе раздумий над обсуждаемой темой возникло желание сопоставить положение крестьянства в БССР (Восточная Белоруссия) и в Западной Белоруссии. Надо иметь в виду, что 55% тогдашнего

белорусского населения проживало в БССР, а 45% проживало в Западной Белоруссии.

Вначале о БССР. Весной 1930 г., воспользовавшись опубликованием знаменитой статьи Сталина «Головокружение от успехов», местные власти немного ослабили вожжи. Из-за этого ослабления из колхозов в БССР вышли 370 тыс. человек. В результате этого процент коллективизации упал с 58% до 11%.

Иначе говоря, это был обвальный процесс. Власть, безусловно, моментально отреагировала на это усилением репрессий. В результате количество крестьянских хозяйств, вошедших в состав колхозов, возросло – и к 1 декабря 1932 г. составило 50,4% от общей численности крестьянских хозяйств. Однако к 1 декабря 1933 г. этот показатель вновь упал до 43,3 %.

Но коридор возможностей для сопротивления, безусловно, сужался. Все эти годы ускоренно происходила инсталляция репрессивного режима. Вожжи порою отпускали, но только для того, чтобы вновь взнуздать крестьянство. В 1929 г. было несравненно больше возможностей сопротивляться, нежели в 1937 г. Тем не менее, и в 1937 г. в БССР происходил массовый выход из колхозов. Из колхозов вышло 15,5 тыс. крестьянских хозяйств, а в первой половине 1939 г. вышло почти 10 тыс. крестьянских хозяйств. То есть, даже несмотря на ужесточение репрессий, крестьянство все равно умудрялось сопротивляться.

А теперь сопоставим положение крестьянства в БССР и в Западной Белоруссии, в то время входившей в состав 2-й Речи Посполитой. Вот что происходило во время коллективизации в БССР с крестьянством в Западной Белоруссии? С 1931 по 1933 гг. в различных ее местностях произошло более 500 массовых выступлений крестьянства. В среднем, за год происходило 130–170 крупных крестьянских выступлений, охватывавших порою целые гмины (волости) и значительную часть уездов Западной Белоруссии. Крестьянские выступления имели место в Брестском, Кобринском, Пружанском, Гродненском, Новогрудском, Слонимском, Бельском, Лидском,

Молодеченском и Пинском уездах. Всего этой волной крестьянских волнений было захвачено 1,5 тыс. селений. Это притом, что практики подавления были чрезвычайно жесткими. Карательные экспедиции завершались не только осуждением и заключением, но и повешениями, и расстрелами. Однако, несмотря на это, в выступлениях ежегодно принимали участие 40–50 тыс. западнобелорусских крестьян.

Кто же вдохновлял на эти выступления западнобелорусское крестьянство? Вдохновляла, в подавляющем большинстве случаев, Коммунистическая партия Западной Белоруссии, которая, безусловно, одобряла практику подавления и мобилизации крестьянства в БССР.

Мой покойный дедушка был человеком неграмотным, но в 1939 г., когда пришли советские войска, он часто цитировал строки из «Белорусской Марсельезы»: «От веку мы спали, и нас разбудили». Моя мама рассказывала о том, что дед говорил об этом с вдохновением и домочадцев этим самым подзаряжал.

Я спрашивал своего отца: почему же вы так приветствовали советские войска и Советскую власть? Он тоже, как и дедушка, крестьянин. Так вот он говорит, что приветствовали их приход из-за близости языка, из-за того, что не было такого высокомерного отношения, которое демонстрировала по отношению к ним польская власть. Тем более что крестьяне надеялись, что политика советской власти по отношению к ним будет иной, нежели «пры Польшчы».

У меня нет под рукой соответствующих данных по Западной Украине, но могу сказать, что и там польские власти тоже не миндальничали. Там также применялись очень жесткие практики подавления крестьянских протестов. Против чего выступали крестьяне на Западной Украине? Против полонизации края, против упразднения сервитутов, против отношения к себе как к людям второго сорта.

Таким образом, можно говорить о том, что есть, очевидно, особо неблагоприятные для крестьянства целых регионов Европы исторические

периоды. Это сопоставление показывает, что очень несладко приходилось крестьянству в эти годы во многих регионах. Причем даже там, где власть была более или мене терпимой, нормальной, по меркам Центральной и Восточной Европы.

В.В. Зверев: Мне кажется, что А.В. Гордон затронул очень важную проблему стыковки идеологии, построенной на марксизме, и исторической практики. В этой связи, я бы хотел обратиться к вопросу о том, какой социализм собирался строить В.И. Ленин. В 90-е гг. XIX в. марксизм пережил очень серьезный кризис, в первую очередь, связанный с тем, что некоторые прогнозы К. Маркса к этому времени не сбылись. В частности, не оправдался прогноз Маркса, согласно которому при капитализме положение рабочих постоянно ухудшается, и пролетариат превращается в слой социальных париев. Положение рабочих не только не ухудшалось, а в таких странах как Великобритания, Франции и Германии – оно улучшалось.

Перед марксистами встал вопрос: что дальше? В 1902 г. появляется работа Дж. А. Гобсона «Империализм», а затем в 1910 г. книга Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», которые стали определенным глотком воздуха для марксистских мыслителей и идеологов, так как они позволили им перейти в новую плоскость и говорить о близости пролетарской революции.

Мы привыкли, обсуждая эту тему, ссылаться на работу Ленина «Империализм как высшая и последняя стадия капитализма». При этом, как правило, никто не вспоминает о том, что у этой работы есть подзаголовок, который многое поясняет – «Популярный очерк». Надо иметь в виду, что при написании этой работы Ленин проработал 148 книг и 230 статей. Будучи прекрасным систематизатором и аналитиком, Ленин вывел знаменитые пять признаков империализма, на основе которых пришел к выводу, что империализм является кануном пролетарской революции, высшей и последней стадией капитализма. Идея Ленина состояла в том, что надо сменить только надстройку, а система государственно-монополистического капитализма в экономике сохраняется. Второй вывод Ленина состоял в том, что революция

может произойти сначала в самом слабом звене в цепи развития капитализма, и этим звеном является Россия.

Сталин, по большому счету, переталдычивая на свой лад ленинские положения, просто все это зафиксировал. Если исходить из этого, можно сказать, что той экономической системой, которую собирались развивать большевики, был государственно-монополистический капитализм. Можно привести элементарные, но достаточно много иллюстрирующие аналогии: пятилетний план в Советском Союзе, четырехлетний план в Германии, попытка регулирования экономики в Италии.

К тому же в конце 20-х гг. разразился мировой экономический кризис, который, казалось, подтверждал выводы Ленина, подхваченные Сталиным. Почему столь печальной была судьба Н.Д. Кондратьева? Потому что, согласно его теории больших волн экономической конъюнктуры, пик кризиса капитализма приходился на 1920 г. Т.е., по мнению Кондратьева, капитализм пережил пик своего кризиса и уже начинал во второй половине 20-х гг. медленно выздоравливать. В отличие от Кондратьева, Сталин считал, что кризис будет нарастать. Ему казалось, что события подтверждали его правоту – и, соответственно, неправоту Кондратьева.

Говоря о государственно-монополистическом капитализме, мы сразу сталкиваемся с вопросом о том, как быть с крестьянством, учитывая особое положение России. Здесь, я бы выделил две очень важных вещи. Во-первых, в начале XX в. 87% населения России составляли крестьяне. Во-вторых, до 1917 г. эти 87% населения не управлялись государством – потому что власть фактически заканчивалась на уровне уездного города. Крестьяне жили как бы вне государства и вне позитивного права.

А.В. Гордон справедливо сказал, что никакого целостного кооперативного плана у Ленина не было, а были лишь отдельные наброски человека, который к концу жизни понимает, что, по большому счету, он и его партия провалились. Это читается в завещании Ленина. Он не боится там писать о том, что большевистскую программу в значительной мере можно было

бы называть «культурничеством». Какое культурничество и для чего? В чем состоит культурничество? В кооперировании всего населения? Прямых ответов на эти вопросы Ленин не дал.

На мой взгляд, проблема стояла шире, и заключалась она в необходимости перехода на новую ступень исторического развития, в необходимости превращения аграрно-индустриальной страны в индустриальную или хотя бы в индустриально-аграрную. Необходимо было превратить Россию из страны, ввозящей машины, в страну, их производящую. Как это можно было осуществить? Все-таки, мне кажется, что Ленин предполагал наличие неких социальных амортизаторов, и этими амортизаторами должны были стать кооперативы, создаваемые добровольно самими мелкими и средними производителями. Во что превращается деревня в условиях этого перехода? Деревня превращается в мощнейший резервуар крайне дешевой рабочей силы, дешевых продуктов сельского хозяйства – и становится, в рамках государственно-монополистического капитализма, главным источником проведения модернизации.

Если говорить о послевоенном периоде, то я как-то посмотрел все послевоенные постановления ЦК по сельскому хозяйству. Лучшие постановления, с административной точки зрения, – это сталинские постановления! Там четко расписано, в каком углу избы по пропаганде передового опыта должен находиться образцово-показательный сноп и т.п.. Но экономических моментов, связанных с подъемом производительности труда и стимулированием материальной заинтересованности крестьянства, там не было. Мой отец, проработавший 50 лет в сельском хозяйстве, однажды сказал следующее: «Запомни, больше чем Никита, для сельского хозяйства не сделал никто». Его слова подтверждаются цифрами. При Н.С. Хрущеве в 1950-е гг. ежегодный прирост производства сельскохозяйственной продукции составлял 6%. Почему это произошло? Не в последнюю очередь потому, что сняли сельхозналог, сняли обязательные сельхозпоставки и т.д. Но, несмотря на эти послабления, крестьянство до конца 50-х гг. по-прежнему оставалось

источником осуществления модернизации в духе государственно-монополистического капитализма.

Здесь возникает еще один важный вопрос – а была ли Россия в начале XX в. обречена именно на этот путь? Это очень важная проблема, которая, безусловно, нуждается в серьезном изучении.

Д.И. Люкшин: Я бы хотел привлечь внимание коллег к двум вопросам. Во-первых, что такое сталинизм? И, во-вторых, для чего сталинизму крестьянство? Сталинская идеология – это воплощение ленинской мечты о мировой пролетарской революции. В ней крестьянству, хотя бы и составлявшему 80% населения страны, места не находилось. При таком подходе вопрос о том, понимали ли Ленин и Сталин, в какой стране они жили, можно даже не задавать: эти «мелкобуржуазные обсевки» приходилось терпеть, но в футурологическом измерении судьба крестьянства была очевидна – отживающая страта.

В этом смысле, общинная революция 17-го года весьма существенно повлияла на структуру политического пространства, буквально «вытолкнув» крестьян в первые ряды акторов, что оказалось весьма неприятным вызовом для коммунистической элиты. В этом месте, хотелось бы привлечь внимание коллег к различиям между ленинской и сталинской аграрной политикой. Обычно они трактуются как стратегические, причем сталинская – объявляется более жесткой. Позволю себе настаивать на оперативном характере сталинского маневра. История просто не дала Ленину времени в полной мере осознать и внятно отреагировать на провал первой попытки мировой революции. Сталин действовал в условиях, когда коммунисты вынуждены были перейти к обороне и ждать второго шанса, а, следовательно, задача обеспечения тыла для сохранения плацдарма, с которого пролетарии пойдут на новый штурм, временно выходила на первое место. В отличие от Ленина, Сталин не мог игнорировать угрозу рурализации, для предотвращения которой требовалось модернизировать структуру общества, а для начала – «навести порядок в доме».

В тесной связи с подобным истолкованием находится полузабытый с 90-х гг. прошлого века вопрос: понимали ли лидеры коммунистов, в какой стране они действуют? Исследовательским сообществом тогда было дано два ответа: «Да» и «Нет» (в свойственной отечественному историческому сообществу «замещенной» форме, спор тогда шел в формате дискуссии об операциональной пригодности ленинской «лошадиной» статистики, позволявшей записать едва ли не 2/3 российских крестьян в бедняки, что Т. Шанин назвал «злой шуткой над логикой современных исследований»). И при отсутствии консенсуса дискуссия к середине 90-х сошла на нет. Между тем вопрос этот существенно важен как для истолкования мероприятий большевистского правительства, так и – прояснения характера социальных интеракций эпохи Второй русской смуты (или «Красной смуты», как предпочитает называть этот период В.П. Булдаков). Не рискуя здесь и сейчас реанимировать дискурс старого диспута, позволю себе «снять» вопрос, указав, что если Ленин еще мог позволить себе не понимать природу социального тела постреволюционной России, то Сталин уже был вынужден ее учитывать. Соответственно, ставить и как-то решать вопрос о том, чем для мировой революции является крестьянство: врагом, союзником, ресурсом или жертвой?

Отсюда вытекает и логическое обоснование ленинской/сталинской системы мероприятий в отношении крестьянства. По своему содержанию она является реконкистой безгосударственных территорий в Среднем Поволжье, на юге России и Украине, с помощью наиболее эффективного инструмента морально-экономического давления – голода. В этой аудитории нет нужды доказывать, что голодовки возникали не сами по себе. Они были спланированы большевиками, ими проводились и – дали желаемые для государства результаты. С этой позиции, развязанную большевиками «Великую деревенскую войну» можно признать выигранной, а миллионы трупов – допустимыми потерями.

Как бы мы ни пытались рассматривать ленинско-сталинскую практику в качестве рациональной – в смысле решения задач модернизации – хозяйственной деятельности, мы не сможем ответить на вопрос: зачем убивать собственное население? Ведь крестьяне – это налоги, это хлеб, крестьянство готово прокормить и себя, и власть. Ликвидация самостоятельного хозяина, творчески работающего на земле, как показал опыт СССР, оборачивается дисфункцией аграрного сектора. Но вот, если речь идет о войне с собственным народом, прежде всего, с крестьянством, то тогда – эта цена приемлема. В этом случае можно говорить о «положительных результатах» организации голода в Поволжье, Голодомора на Украине, других социальных катастроф – цель оправдывает средства.

Почему шла война с собственным народом? Продолжалась ли гражданская война после 1922 г.? Почему большевистское государство рассматривало крестьянство в качестве враждебной силы? Эти темы, на мой взгляд, заслуживают отдельного разговора в рамках нашего семинара.

Остановлюсь лишь на вопросе о распределении ответственности, то есть о том, кто был агрессором в войне большевиков с крестьянством. Приведенные коллегами данные свидетельствуют о том, что крестьянство в Западной Белоруссии, оппонировав польским властям, реализовывало классические оборонительные стратегии. Оно испытывало чувство возбуждения по поводу поправленных прав и реагировало на это так, как привыкло и как умело. В Поволжье и на Украине происходило то же самое. Крестьянство в строгом соответствии со сценарием морально-экономического диалога отвечало на вызов правительства, рассматривая в условиях неурожая размер притязаний последнего на продукт аграрного труда в качестве избыточного. По канонам традиционной коммуникации – это приглашение к диалогу. То обстоятельство, что государство цинично отвергло многовековую форму социальной дискуссии, является достаточным основанием, чтобы возложить на него ответственность за жертвы и последствия войны с деревней.

Представляется, что тема моральной экономики крестьянства советской эпохи должна быть увязана с проблемой этики выживания советизированной деревни. Что собой представляли крестьяне в 20–30-е гг.? Можно ли говорить о них как о наследниках общинной традиции начала? Уместно ли сравнивать десятки миллионов голодавших людей, получивших опыт людоедства, трупоедства и мародерства, маргинализованных посредством принудительных миграций, и крестьянский мир начала XX в.? Возможно, систематическое поправление деревенским населением (в данном случае неважно – вынужденное или добровольное) максим этики выживания, фрустрация интересов одножителей – явились тем травматическим ядром, которое еще до коллективизации разрушило (скорее, извратило) мирскую идентичность, лишило крестьянство моральных оснований для противодействия коллективизации. В противном случае, вопрос о незначительном сопротивлении коллективизации на территориях, подвергшихся голоду, и в значительной степени затронутых миграционными волнами смутного времени, остается открытым.

И в завершении, еще один вопрос: а можно ли вообще рассматривать крестьянство 20–30-х гг. как консолидированную силу? Могли ли крестьяне в тот период серьезно выступать против госвласти? Не является ли существовавший в воображении большевистского руководства образ крестьянства фантомом, жупелом, которым оно само себя пугало?

С.Ю. Разин: Я не согласен с Д.И. Люкшиным в том, что Сталин и сталинизм – это ставка на мировую революцию. На мой взгляд, Сталин и его группа отодвинули идею мировой революции на второй план и взяли в середине 20-х гг. на вооружение высказанную Лениным еще в период Первой мировой войны идею построения социализма в одной отдельно взятой стране. Фактически, тем самым они взяли курс на возрождение страны как великой державы, как Империи. Я уже говорил о том, что при рассмотрении нашей сегодняшней темы необходимо отказаться от тех штампов и стереотипов, которые сложились в историографии в последние 25–30 лет. Одним из таких

штампов является представление о том, что гражданская война закончилась в 1922 г. На мой взгляд, в 1922 г. гражданская война в стране не закончилась. Скорее можно говорить о том, что она перешла в какую-то другую, латентную фазу.

Исходя из этого, попробую дать свой ответ на вопрос о том, что такое сталинизм. Сталинизм, на мой взгляд, следует рассматривать как политику проведения форсированной модернизации, включающей в себя в качестве двух взаимосвязанных элементов индустриализацию и коллективизацию, в условиях продолжающейся гражданской войны и начавшегося формирования союзной государственности. Не следует забывать, что 1922 г. – это еще и год образования СССР. Надо понимать, что отношения между союзным центром и республиками и межреспубликанские отношения складывались отнюдь не так просто и гладко, как это у нас было принято изображать в прежние времена. Помимо этого, следует сказать о том, что специфика сталинизма была во многом обусловлена геоэкономическими и геополитическими процессами 20–30-х гг. прошлого века, а также связанной с этими процессами борьбой за власть в руководстве ВКП (б) того времени.

Если говорить об итогах «горячей» фазы гражданской войны, завершившейся к 1922 г. на большей части территории бывшей Российской империи, то ее победителями оказались две социальные силы – это большевистская политическая элита и ... крестьянство. Что касается выигрыша большевиков, то он очевиден. Большевики сохранили власть и устранили с политической арены всех конкурентов. Если говорить о том, что получило крестьянство, то хочу напомнить: в 1922 г. был принят Земельный Кодекс РСФСР, согласно которому более 90% процентов всех земель в Европейской России, пригодных для земледелия, были переданы в руки крестьянской общины. По сути дела, это была реализация вековечной крестьянской мечты о черном переделе.

На мой взгляд, нам также следует отказаться от стереотипов в оценке таких событий начала 20-х гг. как Кронштадтский мятеж, антоновщина,

Западно-сибирское крестьянское восстание и т.д. Эти события следует рассматривать не просто как попытку крестьянства отстранить большевиков от власти, но и как попытку крестьянства избавиться от государства как такового, как попытку реализовать идеалы народной социальной утопии и распространить общинные порядки на всю страну. Кстати говоря, это очень хорошо поняли бывшие враги большевиков – евразийцы и сменовеховцы, которые видели в большевиках носителей государственнического начала, противостоявших анархической и локалистской крестьянской стихии, в полной мере проявившей себя в этих событиях.

Если говорить о геополитических факторах, обусловивших специфику сталинизма, то необходимо сказать, что итоги Первой мировой войны не устраивали никого – ни победителей, ни, тем более, проигравших. То, что Вторая мировая война не за горами, хорошо понимали все более или менее дальновидные политики стран, являвшихся в то время основными геополитическими игроками. Большевистское руководство хорошо осознавало, что без проведения модернизации, без создания мощного военно-промышленного потенциала Советский Союз будет обречен во Второй мировой войне на поражение. У него перед глазами был печальный опыт участия нашей страны в Первой мировой, когда аграрная, царская Россия показала свою неконкурентоспособность. Перед партийно-государственной элитой встал вопрос о том, как проводить модернизацию, как создавать необходимый стране военно-промышленный потенциал. Та стратегия модернизации, которая, в конечном итоге, и была реализована в СССР в 20-30 гг., была, своего рода, диалектическим единством противоположностей. Суть этой стратегии заключалась в том, что модернизация проводилась в борьбе с крестьянством, но и одновременно ... с опорой на него.

В дискуссиях, посвященных Сталину и сталинизму, на протяжении многих лет звучат одни и те же мотивы: насилие, репрессии, террор, война с собственным народом. Такое однобокое акцентирование внимания на насилии вряд ли приближает нас к пониманию природы и сущности сталинизма. В этой

связи, у меня всегда возникает вопрос: почему режим устоял? Я считаю, что если бы вся политика партийного и государственного руководства по отношению к крестьянству в конце 20-х – 30-е гг. сводилась бы только к насилию, то режим неминуемо был бы свергнут. На мой взгляд, важнейшим условием устойчивости сталинского режима было то, что он имел опору среди крестьянства, а также то, что он во многом соответствовал тем представлениям о мироустройстве, о власти, которые были характерны для крестьянского массового сознания. Русское крестьянство осознавало эту власть как «свою». Именно это соответствие позволило СССР провести модернизацию, одержать победу в Великой Отечественной Войне и стать одной из двух сверхдержав послевоенного мира. Именно этого соответствия нет у сегодняшней российской власти.

М.М. Кудюкина: Я хочу несколько слов сказать о проблеме социального расслоения крестьянства в 20-е гг., а также о том, как власть понимала и использовала в своих интересах сложные взаимоотношения внутри крестьянского мира. Без объективного рассмотрения ситуации, сложившейся в то время, мы не сможем дать правильный ответ на вопрос о социальной опоре сталинского режима в деревне. Вторая социальная война в деревне, под которой традиционно понимаются противоречия между различными по имущественному положению группами внутри самого крестьянства, всегда активно пропагандировалась и обыгрывалась властью. Идея расслоения крестьянства на кулаков, середняков и бедняков активно использовалась властью. А что власть понимала под этими терминами? Вкладывалось ли в 20 гг. какое-то реальное содержание в эти понятия? На мой взгляд, нет. Сложилась следующая ситуация: вроде и власть, и крестьянство представляют, что существует и расслоение, и противоречия внутри крестьянства, что самый главный враг – это кулачество, но кто конкретно является кулаком, не знал никто – ни власть, ни крестьянство.

Если говорить о том, какие в то время у власти были представления о кулачестве, то следует отметить, что даже Сталин в 1925 г., когда он много

говорил о политике «лицом к деревне», давал характеристики кулачества, которые совпадали с представлениями крестьян-середняков и крестьян-бедняков. Он называл кулаков «спекулянтами» и «мироедами». А ставшие традиционными определения кулачества, связанные с оценкой имущественного положения (аренда земли, количество земли, использование наемного труда и т.д.) не подтверждаются историческими источниками. Многие исследования показывают, что наемным трудом, например, пользовались и очень бедные хозяйства, в которых было много маленьких детей или осталась одна вдова с маленькими детьми, при этом земли было много, но обрабатывать ее было некому. С этим сталкивалась и власть. Она попадала в эту западню, когда определяла уровень налогообложения. Каждый год критерии налогообложения исправлялись, но каждый раз оно оказывалось неудачным.

С середины 20-х гг. происходит демонизация кулака. В общественном сознании формируется образ кулачества как некой «темной силы». Естественно, что формировался это образ властью. Ей было выгоднее манипулировать образом кулака-врага, на которого можно было свалить все существовавшие в стране проблемы. Неслучайно, что в конце 30-х гг., когда уже ни о каком существовании кулачества говорить не приходится, термины «кулак», «кулачество» активно использовались в лексиконе репрессивной политики. Людей подвергали репрессиям только за то, что они или их родственники когда-то были «кулаками». А порой для применения репрессий было достаточно одного лишь подозрения в этом.

Несомненно, что расслоение крестьянства было крайне выгодно для власти. Как относилось к этой проблеме само крестьянство? Можно ли говорить о том, что у бедняков и середняков существовало, говоря политическим языком тех лет, чувство классовой ненависти к кулакам? В какой-то степени да. Я считаю, что без этого, без поддержки значительной частью крестьянства коллективизация и раскулачивание были бы обречены на неудачу.

В заключение позволю себе одну реплику по поводу прозвучавшего в одном из выступлений высказывания о каннибализме, якобы распространенном среди русских крестьян в период голода начала 30-х гг. Мне по роду своей деятельности приходится много заниматься этой проблемой. Наш архив участвовал в издании многотомника документов по истории голода в СССР в 1929–34 гг. Так вот, суждения о том, что во время голода начала 30-х гг. каннибализм среди крестьянства носил массовый характер, не подтверждаются источниками. Если мы сопоставим общее число голодавших и количество случаев каннибализма среди крестьян, то увидим, что эти случаи единичны. Каннибалы однозначно осуждались односельчанами. Милиции иногда приходилось спасать людоедов от разъяренных соседей. Каннибализм, даже в тяжелейших условиях голода, оставался чем-то противоестественным для генетической структуры и этики русского крестьянства.

В.В. Зверев: Приведу некоторые данные о количестве жертв голода 1891 г. и о количестве жертв голода 1911 г. Во время голода 1891 г. умерло 750 000 человек, а во время голода 1911 г. умерло 1 200 000 человек.

С.Ю. Разин: В современной публицистике и историографии очень много написано о голоде 1921 г. в Поволжье и о голоде начала 30-х гг. Хочется задать вопрос: разве оба эти голода были чем-то новым в нашей истории? Неужели голод не являлся спутником крестьянства, в том числе русского крестьянства, на протяжении всей его истории? Неужели перманентная угроза голода не является одним из важнейших факторов, который на протяжении столетий определял жизнь крестьянства? Почему не уделяется столько же внимания голоду 1891 г. или голоду 1911 г.? Мне кажется, что зачастую теми, кто пишет о голоде 1921 г. и начала 30-х гг., движет вольное или невольное стремление выполнить определенный политический заказ. Та политическая и историографическая ситуация, которая сложилась вокруг темы «голодомора» на Украине, лишь подтверждает эти мои подозрения.

Я хотел бы обратить внимание на еще один важный для понимания нашей темы момент. Когда мы говорим о взаимоотношениях власти и

крестьянства, то надо понимать, что они образовывали диалектическое единство, своеобразную бинарную оппозицию. Между ними не было никакой непреодолимой пропасти, не было никакой Великой китайской стены. На низовом уровне зачастую представителями власти были сами крестьяне.

А.В. Гордон: Голод голоду рознь. Голод действительно всегда был спутником крестьянской истории. Но в данном случае речь идет о том, что голод начала 30-х гг. был побочным результатом насильственной экспроприации крестьянства. То же самое было и в Китае. Так, знаменитый голод 1911 г. был, так сказать, циклический, традиционный для Китая голод. Причины его лежали на поверхности, он носил локальный характер и был привязан к определенным районам, пострадавшим от засухи и других стихийных бедствий. В свою очередь, голод 1961 г. в Китае был следствием политики большого скачка, когда из крестьян выжимали все соки.

С.Ю. Разин: Но ведь с таким же успехом можно сказать о том, что тяжелое положение дореволюционного русского крестьянства было побочным результатом модернизации, проводившейся царским правительством в конце XIX – начале XX вв.

И.В. Гончарова: Я хочу вернуться к проблеме расслоения крестьянства в 1920–30 гг. и рассмотреть ее, опираясь на материалы Центрального Черноземья. В принципе, говорить о том, что в то время были сформулированы какие-то более или менее единообразные характеристики кулачества, среднего и беднейшего крестьянства, не приходится. Одна из первых попыток выявления экономических характеристик кулачества была предпринята А.И. Хрящевой на материале Орловской губернии. Она использовала натуральные признаки. И ее исследование показало, что кулаки составляют ничтожно малый процент населения. Естественно, что Сталину, в тот период нужны были, для оправдания тезиса о кулацкой опасности и курса на ликвидацию кулачества как класса, совершенно противоположные цифры. В этой ситуации статистики, в угоду политическому заказу, исходившему от руководства страны, пошли по пути изменения методов исследования. При проведении исследований

крестьянских хозяйств, они стали брать за основу не натуральные, а производственные признаки. Но и такая методологическая переориентация не дала желаемых для власти результатов. Вновь проведенные исследования показали, что, даже если при анализе крестьянских хозяйств опираться на производственные признаки, все равно – к кулацким могли быть отнесены лишь 2,5% хозяйств. В 1928 г. среди экспертов звучало мнение о том, что попытка найти кулаков в деревнях Центрально-Черноземной области обречена на неудачу. Статистики стали брать для первичного исследования материалы по наиболее богатым в сельскохозяйственном отношении районам. О репрезентативности выборки говорить в данном случае не приходится. Вопрос о том, насколько можно экстраполировать эти данные на другие районы, не стоял. Материалы первичной выборки подвергались корректировке в сторону увеличения количества кулацких хозяйств. В конечном итоге, те, кто проводил исследования, получали ту цифру, которая была нужна партийному и государственному руководству. К тому же, наряду с насильственным раскулачиванием, в тот период происходили самораскулачивание и самоликвидация кулацких хозяйств. Многие из так называемых кулаков ушли в город. Другие кулацкие хозяйства были разорены непомерными налогами. В конечном итоге, к 1930 г. многие из так называемых кулаков оказались в ситуации, когда они не могли погасить свои долги перед государством по выплате налогов. У них для этого просто не было денег.

Я согласна с мнением Г.Ф. Доброноженко, согласно которому кулачество в начале 30-х гг. в глазах власти все больше превращалось из социально-экономического слоя в некую политическую группу, являющуюся своеобразной «пятой колонной», коллективным внутренним врагом Советского государства. Формировался некий негативный образ кулачества. Ш. Фицпатрик писала о том, что в то время в кулаки зачастую записывали тех крестьян, кто выступал против Советской власти, хотя по своему имущественному положению они никак не относились к категории зажиточных крестьян. Порой для того, чтобы человека подвергли раскулачиванию, достаточно было найти

что-то подозрительное в его дореволюционном прошлом или кому-то сообщить соответствующим органам о том, что он когда-то имел мельницу, служил в жандармерии и т.д.

Когда я занималась НЭПом, то мне приходилось сталкиваться с материалами заседаний губкомов и укомов 1921 г., которые свидетельствуют, что в этот период партработникам раздавались в пользование мельницы и некоторые другие средства производства. Эти же материалы говорят о том, что власть требовала прекращения подобной практики. Тем самым, говоря политическим языком тех лет, она боролась против распространения «мелкобуржуазной стихии» в самой большевистской партии. Эта борьба то разгоралась, то затихала, но полного успеха она, естественно, не имела. Действительно, в то время в партию пришло достаточно большое количество людей, которые вступали в нее не из идейных, а из сугубо прагматических, конъюнктурных соображений. Среди них было немало крестьян. Эти люди становились пользователями средств производства. В результате образовался слой коммунистов, которые сами являлись зажиточными хозяевами.

Встает вопрос: а против кого тогда был направлен тезис о ликвидации кулачества? Получается, что и против тех коммунистов, которые сами обладали средствами производства и были зажиточными хозяевами. Возникла опасность частичного совпадения образа кулака с образом коммуниста. Этому власть допустить не могла, и с такими коммунистами она старалась бороться, вплоть до их исключения из партии. Однако наиболее предприимчивые представители слоя обогативших коммунистов-хозяев довольно быстро среди своих родственников оформили что-то вроде артелей и колхозов и под это нахватили кредитов. После этого им процесс раскулачивания уже был не страшен.

Во второй половине 20-х гг. большевистское руководство столкнулось с тем, что для проведения социалистического наступления на деревню ему необходимо было искать союзников внутри самой деревни. Оно считало, что таким внутренним союзником должно стать беднейшее крестьянство. Поэтому, наряду с формированием образа кулака как внутреннего врага, еще одним

важным аспектом политики большевиков в деревне стала фаворитизация бедноты. С 1926 г. начинается работа по выявлению, организации, локализации и политизации бедноты. Причем сами крестьяне порой не понимали, кто они – «бедняки», «средняки» или «кулаки». Об этом, в частности, говорит относящееся к 1927 г. письмо одного крестьянина в «Орловскую крестьянскую газету», в котором он рассказывает о приезде партработника в его деревню. По слухам, дошедшим до крестьянина, этот партработник собирался проводить в деревне собрание бедноты. Из письма следует, что автора и его соседа на это собрание не пригласили. Автор задает вопрос: если нас с соседом не позвали на это собрание, то тогда кто мы? Получается, что мы кулаки?

Статистика показывает, что на первых порах большую часть организованной крестьянской бедноты на самом деле составляли советские служащие. Эти служащие впоследствии составили костяк так называемых групп бедноты. С «Положением о группах бедноты» в нашем регионе познакомились уже после того, как провели смотр групп бедноты. Т.е. партийные органы еще не знали, что они создают, но уже работу в этом отношении вели. С самого начала очерчивается круг людей, которых я бы назвала «профессиональными бедняками». Это такие завсегдашние собрания, которые посещали все возможные мероприятия и активно поддерживали политику Советской власти. Вот такая «парадная», если можно так сказать, беднота, на мой взгляд, появилась уже в конце 20-х гг. И эти люди составили костяк тех крестьян, на которых власть опиралась в процессе коллективизации и раскулачивания.

В 1930 г. глава Центрально-Черноземной области И.М. Варейкис писал о том, что беднота активно участвует в раскулачивании потому, что она заинтересована в этом материально. В советской историографии в свое время упорно проводилась мысль о том, что все, или практически все имущество, изъятое у кулаков при раскулачивании, передавалось в неделимые фонды колхозов. Правда, при этом встает вопрос: откуда взялись эти цифры? Можно

ли было, в условиях насильственного, репрессивного, часто стихийного раскулачивания, провести нормальный учет того имущества кулаков, которое было действительно передано колхозам, и того имущества, которое пропало или попросту было разграблено? На мой взгляд, к этим цифрам необходимо относиться с определенной долей сомнения.

Таким образом, усилия Советской власти не прошли даром. Ей действительно удалось расколоть деревню, и это, безусловно, был большой успех политики социалистического натиска на деревни. В то же время эта политика изначально заложила мину замедленного действия в фундамент колхозной системы, так как большая часть бедноты, не имея соответствующей материальной заинтересованности и ожидая дивидендов от власти, абсолютно не желала участвовать в процессе становления и развития колхозного хозяйства, превращаясь, по сути дела, в государственных иждивенцев.

А.И. Колганов: В отличие от других участников круглого стола, я взгляну на проблему «Сталинизм и крестьянство» не с позиций социально-исторических или социологических – как бы они ни были для меня интересны – а с точки зрения экономиста. С этой точки зрения в середине 20-х гг. позиция Сталина и идущего за ним большинства коммунистической партии по отношению к крестьянству была двойственной.

С одной стороны, их вполне удовлетворяли темпы восстановления народного хозяйства и та экономическая стабилизация, которые обеспечивались новой экономической политикой. Поэтому Сталин, в полном согласии с Бухариным, был горячим защитником НЭПа, не стеснялся принимать в 1925 г. резолюции о необходимости поддержки хозяйственного роста всего крестьянства, делая уступки даже и кулачеству. Именно это дало повод «новой оппозиции» в декабре 1925 г. поднять крик на XIV съезде о недооценке кулацкой опасности.

С другой стороны, над ними висела, как «дамоклов меч», необходимость найти источники ускоренной модернизации российской экономики. А тут крестьянство однозначно выступало и как ресурс, и как неизбежная жертва

такой модернизации. Недаром партийное большинство подвергло столь резкой критике концепцию Е.А. Преображенского о первоначальном социалистическом накоплении – он посмел вслух произнести то, о чем, по мнению этого большинства, болтать не следовало. Вопрос состоял в том, как побудить крестьянство к жертвам во имя индустриализации страны. Заинтересовав его экономически в сотрудничестве с «городом» через кооперацию, и тем самым подтолкнув смириться с определенным экономическим нажимом, как надеялся Бухарин? Или все же не удастся решить эту проблему без жесткого силового давления – разумеется, опираясь и на расслоение самого крестьянства, и на использование насилия в оболочке привычных крестьянину общинных методов мироустройства?

Второе решение оказалось неизбежным, ибо для проведения в жизнь первого варианта нам очевидным образом не были отпущены историей необходимые сроки.

Мне хотелось бы отвергнуть традиционный взгляд на поездку Сталина в Сибирь в начале 1928 г. как на источник его вдохновения при проведении сплошной коллективизации. Возможно, в 1928 г. Сталин еще верил в спасительную силу методов продразверстки для решения проблемы хлебозаготовок. Однако уже в 1929 г. он явно избавился от этой веры. Да и опыт «военного коммунизма» должен был в достаточной мере показать ему, чем оборачивается продразверстка – крестьянской «хлебной стачкой», то есть сокращением посевов до потребительского минимума. Поэтому для решения продовольственного вопроса, для обеспечения быстро растущего городского населения, нужно было найти механизм не только принудительного изъятия хлеба – потому что сам по себе он вел только в тупик – но и принудительного его производства. И не просто принудительного производства, но и расширения производства при сокращающейся численности сельских работников.

Колхозы и стали таким механизмом преобразования мелкого крестьянского хозяйства в крупное механизированное общественное производство, который, при колоссальных жертвах и экономических издержках

первой половины 30-х гг., все же сумел выйти на дорогу обеспечения растущих поставок продовольствия и сельскохозяйственного сырья для бурно развивающейся промышленности. Это был очень плохо отлаженный, и не весьма эффективный механизм, но он работал. Существуют известные исследования, показывающие баланс экономического обмена между городом и деревней. Оказывается, что грабительские хлебозаготовки по символическим ценам (при том, что цены заготовок технических культур были близки к экономически оправданным) вполне перекрывались встречными поставками на село машин, оборудования, элитных семян, удобрений, присылкой специалистов и т.д. Не было систематического ограбления «села» в пользу «города». За индустриализацию в равной мере платили как сельские, так и городские слои населения. Что касается издержек этого механизма, включая и страшный голод 1932–33 гг., и отсутствие экономических стимулов производства в общественном хозяйстве, то они были порождены не некими антикрестьянскими убеждениями большевиков, а общей бюрократической конструкцией власти, нащупывающей работающие решения затратным методом проб и ошибок.

Что касается аграрной политики Н.С. Хрущева (как продолжения сталинского курса), то ее можно разделить на два этапа. В 1953–59 гг. упорядочение экономических отношений с селом дало существенный скачок производства и обеспечило рост реальных доходов всех слоев населения. А вот укрепление власти сыграло с Хрущевым злую шутку – он начал плохо продуманные эксперименты, пытался забежать вперед в «строительстве коммунизма», плохо понимая, что же это, собственно, такое. И эти эксперименты, несмотря на длинный ряд Пленумов ЦК, посвященных сельскому хозяйству, дали весьма негативные результаты.

Дело в том (и это очень хорошо показано в работах Т. Шанина), что даже далеко зашедшая модернизация села не превращает крестьянина в полный аналог городского индустриального работника, сохраняя множество особенностей крестьянского быта, психологии, экономического поведения. Тем

более с такими особенностями следует считаться при далеко еще не завершенной индустриализации сельского хозяйства, как это обстояло у нас на селе в 50–60 гг. XX в., да и сейчас тоже. Хрущев игнорировал именно эти особенности, и потому его инициативы ни к чему хорошему не привели.

И.А. Анфертьев: В связи с нашей дискуссией необходимо несколько слов сказать о самом Сталине. Сталин в разные периоды своей деятельности во главе государства – это разный Сталин. Скажем, Сталин 1922–27 гг. – это Сталин, который стремится и захватить, и удержать власть. Не случайно, что именно в этот период происходит определенное заигрывание власти с крестьянством, которое составляет около 80% населения. Сталин 1928–33 гг. – это человек, который почувствовал, что выиграл борьбу за власть, и потому начинает демонстрировать политические мускулы, в том числе (и в первую очередь) так нелюбимому им крестьянству. Сталин 1934–49 гг. – это вождь, диктатор и безраздельный хозяин страны, в которой крестьянское население находилось, по сути дела, в крепостной зависимости. Сталин 1950–53 гг. – это человек, который считает, что он уже навел порядок в государстве, и поэтому может позволить себе дать какие-то послабления гражданам, в том числе и крестьянству. Сталин в связи с этим представляется мне, с одной стороны, прагматиком, а с другой – марксистским догматиком. Сталин – это человек, который понимает, что у него достаточно много политических врагов. В 1920–30 гг., по всей видимости, он считал (и не без оснований), что основным врагом советского режима является крестьянство.

Здесь уже много было сказано о проблеме социального расслоения крестьянства. На мой взгляд, крестьянин-кулак и крестьянин-середняк – это, говоря языком современной социологии, потенциальный средний класс. Сталин прекрасно понимал, что появление полноценного среднего класса представляет собой серьезную угрозу Советской власти. Большевистское руководство сознательно избегало четких характеристик и определений кулачества, а мы знаем, что на селе были еще середняки, подкулачники, бедняки, единоличники и т.д., которые в различные периоды с легкостью переходили из одной

категории в другую. Эти характеристики носили аморфный, плавающий характер и менялись в зависимости задач, решаемых партийно-государственной элитой. Но при этом на государственном уровне проводилась четкая и однозначная линия – «ликвидация кулачества как класса», т.е. уничтожение «справного» мужика, того самого представителя среднего класса, о котором сегодня много говорится.

Хочу обратить внимание присутствующих на один весьма интересный момент, который, как правило, не упоминается в дискуссиях о политике большевиков в деревне в 1920-е гг. Я имею в виду проведенное в 1925 г. выселение из своих имений тех помещиков, которые остались жить в них после революции. Таким образом, перед проведением раскулачивания власть нанесла серьезный удар по остаткам помещичьего класса. Говоря политическим языком тех лет, власть стремилась к окончательной и бесповоротной ликвидации не только всех эксплуататорских классов в русской деревне, но и остатков специалистов – прежних, еще с дореволюционным стажем организаторов сельскохозяйственного производства.

Здесь уже говорилось об идее мировой революции и ее роли в политике большевиков. На мой взгляд, эта идея была для большевистского руководства не столько догматической, сколько прагматической. Оно понимало, что диктатура пролетариата в условиях крестьянской, по своему составу, страны выглядит как-то не очень убедительно. Большевики хорошо понимали, что существует реальная опасность того, что «пролетарская власть» может быть сметена крестьянской стихией. То, что такая потенциальная возможность существует, хорошо показали крестьянские восстания начала 1920-х гг. В каком-то смысле, можно сказать, что, наряду с буржуазным Западом, русское крестьянство было одним из двух главных врагов большевизма. Большевизм, и в особенности его романтически-левацкое крыло во главе с Троцким, стремился к уничтожению и буржуазного Запада, и патриархально-азиатского (по представлениям многих большевиков) русского крестьянства – как антисоветских, антисоциалистических и антикоммунистических сил. Поэтому

большевики предпринимали весьма серьезные усилия для того, чтобы разжечь пожар революции в Европе (Германия, Венгрия, Польша) и на Востоке (Китай, Афганистан и т.д.). Однако все попытки экспорта революции к середине 20-х гг., в основном, закончились неудачей.

Неслучайно, что после провала этих попыток, в 1925 г. большевистское руководство провозглашает курс на строительство социализма в одной стране и, как это следует из партийных документов, начинает проводить политику по наведению своего порядка, прежде всего в сельском хозяйстве. Как это ни странно, но вопросами сельского хозяйства активно занимался такой партийный орган как Центральная контрольная комиссия ВКП (б), которая пыталась, хотя бы в какой-то мере, определить характеристики среднего крестьянства и кулачества. В партийных верхах к этим попыткам относились с непониманием и насмешкой и, наверное, поэтому, эти попытки не дали никаких конкретных результатов.

Я полностью согласен с мнением А.В. Гордона о том, что колхозная система – это не система хозяйствования, а система управления, система закрепощения крестьянства. Эта система была направлена, в том числе, на политическую нейтрализацию крестьянства. Партийно-государственная власть понимала, что, для того чтобы закрепить русское крестьянство, его необходимо расколоть. Она стремилась найти социальную опору в деревне. Судя по партийным документам, шла активная работа с беднейшим крестьянством, цель которой состояла в том, чтобы создать внутри самой деревни социальную опору, кадровый резерв для проведения предстоящей коллективизации. Помимо этого, за счет вступавших в партию крестьян-бедняков, пополнялся численный состав местных партийных организаций. Справедливости ради стоит сказать, что многие из низов общества, в том числе из крестьян, благодаря этому получили доступ к социальным лифтам, получили реальную возможность улучшить свое социальное положение, получить образование и профессию.

В.А. Ильиных: Я хотел бы поддержать тезис И.А. Анфертьева о том, что Сталин был не только прагматиком. Во-первых, многие его прагматические действия в аграрно-крестьянском вопросе имели идеологические основания. Диктатор с либеральным контентом в голове (а la Пиночет) поступал бы в подобных обстоятельствах по-другому. Во-вторых, следует иметь в виду убежденность Сталина в действенности методов реализации политики, которые А.В. Гордон определил как большевистские. При этом речь идет не только о методах прямого насилия. «Шоковая терапия» и в 1922 г. и в 1992 г. проводилась большевистскими методами. В коктейль с прагматизмом, догматизмом/идеализмом и большевизмом Сталина следует добавить еще как минимум его стремление к неограниченной личной власти.

Я согласен с теми, кто воспринимает коллективизацию как прагматический ответ на стоящие перед страной внешне- и внутривнутриполитические вызовы. В то же время я убежден, что Сталин, начиная ее, заранее не планировал построение «агроулага». Сталин, как марксист, считал, что объединение мелких крестьянских хозяйств в колхозы позволит широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и на этой основе резко повысить его производительность. «Хотелось как лучше»...

Однако на пути осуществления социалистического аграрного проекта встало крестьянство. Его конкретная реакция на очередную акцию властей вызывала их «прагматический» ответ, на который соответствующим образом реагировало крестьянство, которому отвечал режим, ... et cetera. В итоге был построен незапланированный заранее «агроулаг», имевший вполне прагматичные функции.

Чтобы не быть голословным, приведу классический пример. После официального провозглашения курса на коллективизацию в деревне начался массовый забой скота, в котором участвовали крестьяне всех социальных групп и политических ориентаций, включая советских активистов (естественно, что этим грешили не только такие персонажи как объевшийся дед Щукарь). Одним

из оснований для принятия решение о форсировании колхозного строительства было в том числе и желание властей спасти скот от истребления. Впрочем, в колхозах из-за бескормицы и ненадлежащего ухода сверхнормативный сброс стада продолжился.

Следует отметить, что дорога к «агроулагу» не был прямолинейной. «Закручивание гаек» постоянно чередовалось с их относительным «ослаблением». Наиболее известным подтверждением данного тезиса является осуждение «головокружения от успехов» с последующим за ним массовым выходом крестьян из колхозов. Однако дарованные крестьянству «пряники» либо имели декларативный характер, либо не означали возвращения на прежние позиции.

Принципиальной вехой на этом пути, на мой взгляд, стал 1925 г. В 1924 г. неимоверно раздвинувшиеся «ножницы цен» и высокий уровень налогообложения крестьянского хозяйства вызвали в деревне острый политический кризис, который в частности проявился в массовом абсентизме сельских жителей на выборах осенью 1924 г. В создавшихся условиях правящий режим провозглашает т.н. новый курс по отношению к деревне и осуществляет серию мероприятий по либерализации выборной системы и экономической политики. Это были последние принципиальные уступки крестьянству в рамках НЭПа.

Сформированные в ходе более свободных выборов весны 1925 г. сельсоветы способствовали сокрытию крестьянами объектов обложения сельскохозяйственным налогом, которое приобрело массовый характер. Проведенное в рамках курса «лицом к деревне» прекращение нервировавших селян повальных обысков на предмет выявления самогонварения и отмена уголовного и административного наказания за выделку самогона без цели сбыта привели к резкому росту его производства и расширению масштабов хулиганства. В одной из информационно-политических сводок в качестве примера «разнузданности» крестьян сообщалось о демонстративном проезде по центральной улице деревни пьяного мужика, открыто везшего в розвальнях

бочку с брагой и укрепившего на дуге плакат «Лицом к деревне». Ревизия «нового курса» и дрейф к «чрезвычайщине» начались уже осенью 1925 г.

В связи с темой поведения крестьян, не удержусь еще от одной иллюстрации. В 1923 г. Новониколаевский губисполком принял два постановления против «злоумышленников», похищавших железнодорожное имущество и использовавших его в своем хозяйстве: *«шпалы и щиты на разного рода постройки и поделки, костыли на зубья борон, гайки для грузов на невода и т.п.»*. При этом изгороди из щитов, используемых для снегозадержания обнаруживались *«в селениях, расположенных на десятки верст от железной дороги»* [Большевик (Новониколаевск). 1923. 8 апреля, 2 ноября]. Во истину, нашим модернизаторам, включая Сталина, не позавидуешь. Что впрочем, их не оправдывает.

С.А. Есиков: Рассматривая проблему «Сталинизм и крестьянство», нельзя обойти вниманием вопросы коллективизации. При этом необходимо дать оценку состояния сельского хозяйства в конце НЭПа.

В течение нескольких десятилетий историография тиражировала созданный властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе НЭПа продовольственной проблемы. Безусловно, небольшая доза частной инициативы и конкуренции, сознательно допущенная большевиками в годы НЭПа, оказалась достаточной, чтобы наладить элементарные основы хозяйственного быта. Восстановление целиком легло на плечи крестьянства, вынесшего основную часть налогового бремени, крайне неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, выложившего за обесцененные деньги реальные товары и т.д.

Неравноценное, но все же, сотрудничество государства с частным хозяйством базировалось на хозяйственной устойчивости мелкого крестьянского производства, его тяги к труду, способности к невероятной экономии и громадной силе сопротивления разрушительным влияниям. Однако и его резервы и возможности были не беспредельными.

Основная тяжесть налогообложения легла на зажиточную часть деревни, хотя именно она давала стране большую часть товарного хлеба. Действовавшая налоговая система ослабляла деловую активность единоличников вместо того, чтобы превратить ее в настоятельную потребность каждого крестьянского хозяйства вне зависимости от его социальной категории. Кроме того, деструктивная политика государства не могла не затронуть поземельные отношения. Здесь традиционно сталкивались интересы различных слоев сельского общества. С одной стороны, именно в этой сфере лежала перспектива развития индивидуального предпринимательского хозяйства, а с другой стороны, государство, усиленно регламентируя правила землепользования, аренды, субаренды, условия найма рабочей силы, могло не дать (и не давало) такому хозяйству возможностей для роста. Лишение наиболее активной части крестьян кредита для производства землеустроительных работ, способствовало развитию бедняцких хозяйств. В итоге наиболее инициативные крестьяне теряли уверенность в завтрашнем дне, сокращали производство ценной сельскохозяйственной продукции, зачастую утрачивали традиционные жизненные ориентиры.

Восстановительный процесс носил ущербный характер из-за измельчания и низкой доходности крестьянских хозяйств, падения их денежности и товарности. Росли аграрное перенаселение, малоземелье и деревенская безработица, усилился натурально-потребительский тип крестьянских хозяйств и резко сократился производящий, рыночный. Все это нельзя объяснить кулацкой эксплуатацией, а приходится связывать с хозяйственными и политическими условиями послереволюционного времени, в том числе НЭПа.

Крестьянский менталитет, с одной стороны, и доктринальные установки, с другой, не давали рынку, как и НЭПу в целом, шансов утвердиться «всерьез и надолго». НЭП вводился с опозданием, фрагментарно, без твердых правовых гарантий. Само поле, выделенное НЭПу в целях восстановления, было принципиально половинчато. Национализация земли, монополия внешней торговли, краткосрочная аренда, частые земельные переделы, прогрессивная

шкала налогового обложения (вместо пропорциональных налогов) и многое другое – это такие тормоза, которые существенно снижали и ограничивали эффективность крестьянского производства и восстановительных процессов.

Государство взяло на себя непосильные функции связывания экономики в единое целое. В распоряжении государства было два регулятора: рыночный и властный, а постоянные кризисы развивались, как попытки вернуть обратно «уступленное НЭПу», усилить перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность. Ухудшение общих условий обмена между двумя отраслями народного хозяйства в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом говорило о неспособности, как общества, так и государства, разрешить назревшие противоречия.

Система, построенная на искусственно дешевом хлебе, неспособная разрешить главной проблемы – накопления капиталов для модернизации экономики – носила переходный характер. Она с неизбежностью должна была трансформироваться: либо восстановив преемственность в экономической эволюции с дореволюционным временем через рост крупных товарных хозяйств, изменений найма–сдачи земли, рабочей силы и средств производства, и т.д.; либо превратившись в более последовательную «экономику принуждения» – что, в конечном итоге, и произошло.

Таким образом, к концу периода НЭПа, несмотря на крайнее напряжение собственных сил, крестьянское хозяйство находилось в состоянии стагнации, застоя, носило в целом натурально-потребительский характер. XV съезд ВКП (б) выработал единую политику советского руководства по отношению к сельскому хозяйству – курс на упразднение индивидуального товарного хозяйства и на коллективизацию. После съезда был принят целый ряд постановлений, призванных стимулировать коллективное земледелие, ограничить развитие единоличных, в первую очередь зажиточных хозяйств, оказывая материальную поддержку бедняцким слоям. Проводившаяся политика в целом носила запретительный характер, сковывала крестьянское производство, искусственно создавала ситуацию аграрного кризиса и

трудностей в хлебозаготовках, что, в свою очередь, являлось одним из объективных ускорителей перехода к сплошной коллективизации. В таком положении нельзя было и думать о дальнейшем поступательном развитии страны. Крестьянскому хозяйству нужна была реальная помощь и время. Взяв курс на сплошную коллективизацию, сталинское руководство отчетливо оценивало ситуацию, сложившуюся в крестьянском хозяйстве страны, но избрало именно этот, радикальный путь преобразования последнего.

Е.И. Демидова: В процессе научной дискуссии постепенно выкристаллизовываются исключительно интересные мысли и суждения по проблеме «Сталинизм и крестьянство». Действительно, важно анализировать события 1920–30 гг. с позиций именно исторических реалий того времени, а не с современной точки зрения. Я разделяю суждение С.Ю. Разина, что сталинизм следует рассматривать, прежде всего, как *политику проведения форсированной модернизации*, включающей в себя в качестве взаимосвязанных элементов индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию, в условиях продолжающейся гражданской войны и становления новой государственности – союзной. Действительно, модернизация, которая, разворачивалась в стране, имела судьбоносное значение для выживания советской власти. Решение этой политической задачи было важно в аспекте формирования конкурентоспособного государства, которое будет в состоянии выйти на передовые индустриальные позиции в мире и обеспечить соответствующий уровень обороноспособности.

Что это означало? А это означало, что Советской России, крестьянской России предстояло пройти через глубокую трансформацию сложившегося за столетия социального уклада, осуществить форсированный переход на совершенно иную модель развития, создать индустриальную экономику. При этом специфика состояла в осуществлении *социокультурной модернизации*.

Природно-климатический фактор всегда оказывал существенное влияние на организацию крестьянского хозяйства, как и велика была роль почвенно-экологических условий в формировании крестьянского миропонимания.

Важным элементом которого было отношение крестьянства к земле как божескому дару, предназначенному всем возделывающим ее. Подворное же крестьянское хозяйство было материальной основой повседневной жизни деревни. Несмотря на все реформы и преобразования, на развитие страны и общества в России в начале XX в. сохранялась традиционная культура русской деревни, культура как духовная основа повседневной жизни крестьянской семьи, организация быта и досуга – культура, которую мы еще не познали в полной мере. Политика сталинизма, с одной стороны, признавала отдельные прошлые культурные ценности, но в тоже время была настойчива в стремлении руками самих же крестьян заменить их новыми ценностями.

Отношение крестьянства к вопросу частной собственности на землю в России было особым, здесь базовым был принцип равноправности в землепользовании. Земельный вопрос стал ключевым в противостоянии социально-политических сил в России в начале XX в., большевики провозгласили идею национализации земли. Земельный кодекс 1922 г., названный «крестьянским кодексом», четко обозначив исключительную государственную собственность РСФСР на землю, включил в себя положения Закона «О трудовом землепользовании», закрепившего права граждан РСФСР на трудовое пользование крестьянских земель: права на земельный участок в одном или нескольких местах (хутор, отруб, чересполосные участки); права на долю земли из надела земельного общества; права на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества. В дополнение к Земельному кодексу была издана «Инструкция о разделе крестьянских дворов». Получается, что советская власть сделала то, о чем всегда мечтали крестьяне. Но Земельные комиссии, разбиравшие споры о земле и о разделе имущества, быстро исчезли, когда началась коллективизация. Исчез и сам Земельный кодекс со всеми крестьянскими правами. Исчезло право собственности у крестьянина вообще: у него остались одни лишь обязательства и обязанности, которые героически выполнялись подавляющим крестьянским большинством. Разве это не феномен сталинизма?!

Н.В. Асонов: Что такое сталинизм? На мой взгляд, сталинизм – это система социально-политических ценностей и целей, характерная для определенного и чрезвычайно важного этапа развития России в Новейшее время, позволившего ей снова войти в узкий круг сверхдержав, поделив мировое лидерство с США. Причем, геополитическое влияние нашей страны было поднято на такую высоту, которой она никогда не имела и, судя по тем тенденциям, что мы сегодня наблюдаем, уже не будет иметь. Внешнеполитический успех России–СССР был обусловлен в значительной мере тем, что сталинизм стал результатом и продолжением поиска господствующей политической силой национальной модели социализма.

Не отказываясь от идеи построения коммунистического общества, Сталин поддержал ленинский план установления диктатуры в форме власти Советов. Как известно, с ноября 1917 г. Советы стали политической основой нового социалистического государства, придав ему национальное лицо. В рамках новой политической системы Советы образовали единую систему управления, охватывающую всю вертикаль власти, низовым звеном которой оказались сельские Советы. В социальной сфере опорой таких Советов стали колхозы как продолжение в новых исторических условиях сильно перестроенного, в первую очередь идеологически, славянского общинного хозяйства, «привязанного» к традиционной схеме организации жизни, в которой отразилась не только славянская соборность и ее вечевой характер, но и вписанные в нее авторитарные принципы текущего управления.

Авторитарно-соборная модель на селе стала включать в себя три главных звена. Председатель колхоза представлял авторитарное звено управления или высшую исполнительную власть. Правление колхоза соответствовало при нем совещательному институту, а собрание или собор колхоза копировал вечевую традицию решения мирских дел и, как в старину, имел высшую юридическую силу, обладая ключевой полнотой законодательной и судебной власти в рамках сельской округи. В этой связи мысль А.В. Гордона о том, что колхозная

система есть управленческая система, безусловно, верна как исторически, так и социально-политически.

Таким образом, создание колхозов как стержневого элемента сталинизма в аграрной политике, при всех своих минусах, имело один главный политический плюс. Колхозное строительство решительно пресекало распространение на селе идеологии и системы ценностей либерального буржуазного парламентаризма и характерного для него духа индивидуализма, порожденного секулярным сознанием обезбоженной западной социальной культуры, поставившей любовь человека к себе выше любви к обществу и своей стране. Тем самым открывалась возможность для постепенной модернизации социальной жизни села с опорой на свои традиционно гуманные национально-исторические ценности, не связанные с либеральными представлениями о человеке, обществе и власти, превратившими нас сегодня в «иванов, родства не помнящих».

В данной связи хочу вернуться к той проблеме, которую обозначил в своем выступлении С.Ю. Разин. Это проблема столкновения традиционализма и модернизма, проблема перехода от традиционного общества к индустриальному. Этот процесс имел в России весьма существенную цивилизационную специфику. В этой связи вполне закономерен вопрос о том, что такое традиционное общество. По моему мнению, это общество, в основе которого лежит верность национально-историческим традициям. Носителем их является крестьянство. Я считаю, что процесс урбанизации, проходивший в Новейшее время во всем мире по западному образцу, привел к тому, что городское население было оторвано от исторических традиций своих стран и народов.

Столкновение традиционализма и модернизма, не-Запада и Запада – это важнейшая черта мировой истории XX в. Страны-лидеры западной цивилизации стремятся к уничтожению национально-исторических, духовных традиций незападных стран, которые в их научно-идеологическом дискурсе отнесены к категории государств «догоняющей модернизации», в которых

доминирует «X-матрица». В свою очередь, традиционалистские социальные слои в незападных странах активно сопротивляются этому процессу. Они по-своему справедливо полагают, что с точки зрения их цивилизационных ценностей и целей так называемые передовые страны Запада, ориентированные на городскую либеральную модель социально-политических отношений, представляют собой тупиковое направление в развитии мирового сообщества, поскольку их ориентация на урбанизацию породила глобальные проблемы современности.

Нам надо определиться с критериями оценки отечественной истории 20–50-х гг. прошлого столетия. На мой взгляд, прав С.Ю. Разин, говоря о том, что необходимо отказаться от превалирующего сегодня однобокого, либерально-западнического подхода к оценке этой эпохи. Считаю, что при такой оценке необходимо исходить из диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Ни одну историческую эпоху нельзя оценивать только как хорошую, или только как плохую.

Что касается поднятого в ряде выступлений вопроса о расслоении русского крестьянства в 20–30 гг., то при его рассмотрении необходимо применять многосторонний подход, который учитывает всю совокупность экономических, политических, культурных и юридических факторов, существовавших в ту эпоху. Я считаю, что при исследовании проблемы, вынесенной сегодня на обсуждение, наряду с упомянутым выше диалектическим методом, необходимо активно использовать цивилизационный и сравнительно-исторический подходы. Их использование при анализе проблемы «Сталинизм и крестьянство» позволит нам по новому оценить роль Сталина в истории и его политику в отношении крестьянства.

Должен сказать, что мои предки, как и многие другие люди в нашей стране, в полной мере хлебнули лиха в ту эпоху. Но я предлагаю всем встать выше личных обид на сталинский режим, и по достоинству оценить те успехи, которые были достигнуты Советским Союзом в 20–50 гг. XX в. О недостатках мы уже наговорили более чем достаточно, так давайте же уйдем от

либеральных веяний западной политической моды, будем объективными и скажем о великих победах, достигнутых нашим народом и нашей страной в то время.

Соглашусь с коллегами, которые выступали до меня и говорили, что главным для данной темы является вопрос о том, почему большевики смогли удержать власть. На мой взгляд, потому, что, в отличие от Временного правительства, они не делали ставку на либеральные ценности, чуждые большинству населения страны. Подавляющее большинство православного и мусульманского населения рассматривало либеральные ценности как сатанизм, как дьявольское искушение. В свою очередь, советская система ценностей была своеобразной реинкарнацией традиционных ценностей и потому была более близка и понятна тому же русскому крестьянину. Поэтому у крестьян было ощущение, что Советская власть – это власть своя, отражающая их интересы. В противном случае она бы также быстро сошла со сцены российской истории, как это сделало либеральное Временное правительство и тяготеющее к либерализму многопартийное белое движение, в значительной степени само себя погубившее борьбой различных политических сил.

В заключение хочу сказать, что не согласен с теми оценками политики Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства, которые сегодня прозвучали в выступлениях некоторых коллег. Мне думается, что если бы не контрреформы Хрущева, решившего введением совхозов взять курс на пролетаризацию села и еще сильнее сблизить его с городом, утратившим живую связь с народной культурой, село еще могло сохраниться как оазис и социальная опора не только нашей национальной соборной духовности, но и как социально-экономический оплот всей славяно-православной цивилизации, политическим центром которой более 500 лет все еще остается Россия, а этническим ядром – русский народ. Неслучайно сегодня те, кто принял систему ценностей либерализма и отрекся от социально-политической и духовной культуры славяно-православной цивилизации, подняли на щит имя Хрущева, получившего высокую оценку У. Черчилля как главного разрушителя страны Советов.

А.И. Шевельков: Хотелось бы обратить внимание на то, что в послевоенный период Сталин вновь применил жесткие меры по отношению к крестьянству, что было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. Засуха 1946 г., охватившая значительную территорию страны, и последовавший за ними голод, по подсчетам ряда исследователей, унесли от 700 тыс. до 1 млн 200 тыс. жизней сельского населения. Основные надежды государства по обеспечению страны хлебом были связаны с увеличением закупок зерна в ряде сибирских и украинских территорий, где засуха не нанесла ущерба сельскому хозяйству. Именно в этот период вновь применяются методы продразверстки. В сентябре 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС по вопросам хлебозаготовок, а затем и постановление СМ СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном плане закупок ржи и пшеницы из урожая 1946 г.», в которых поручалось ряду руководящих партийных работников установить строгий контроль за работой партийных органов по выполнению плана обязательных закупок хлеба и принимать необходимые меры по усилению темпов хлебозаготовок. Для контроля за хлебозаготовками в основные зерносеющие районы страны была командирована группа партийно-государственных руководителей: Г.М. Маленков – в Сибирь, А.И. Микоян – в Казахстан, Л.М. Каганович – в Курганскую область, а также вместе с Н.С. Патоличевым – на Украину. Л.П. Берия и Л.З. Мехлис направились в Краснодарский край.

Сталинские уполномоченные строго выполняли указания, опираясь на местные партийные органы, уполномоченных райкомов партии. Так, в своей записке в адрес записке руководителей Новосибирского обкома ВКП (б), Маленков потребовал усилить работу по безусловному выполнению колхозами плана хлебозаготовок, определив все рассуждения на местах о реальном плане, как преступление перед государством, саботаж, и потребовал немедленно исправить антигосударственную линию в заготовках и обеспечить ежедневное оперативное воздействие на ход хлебозаготовок. По его рекомендации Постановлением ЦК ВКП (б) для колхозов и совхозов Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Кемеровской области на 1946 г. был

утвержден дополнительный объем сдачи в объеме 17,3 млн пудов хлеба. Вместо 101,5 млн пудов, теперь предстоял сдать 118,8 млн т.

Однако, несмотря на принятые меры чрезвычайного характера в 1946 г. только 42,1% колхозов выполнили планы хлебозаготовок. И по этой причине, в 1947 г. в зерносеющие районы страны вновь были командированы партийно-государственные руководители, которые еженедельно информировали Сталина, о ходе хлебозаготовок. Но и в 1947 г., равно как и в 1948 г., планы хлебозаготовок выполнили менее 45% колхозов, что вызвало серьезное раздражение у Сталина, и было одной из причин начала политики укрупнения мелких колхозов, начатой с мая 1950 г. по его указанию и постановлению ЦК ВКП (б). По утверждению Хрущева, Сталин также предлагал увеличить налог на колхозы и колхозников примерно на 40 млрд руб. при общих доходах колхозов страны 42 млрд руб. Если бы продать все имущество колхозов, то и тогда они не выплатили бы такой налог – заявлял Хрущев. По его словам, труд большинства колхозников практически не оплачивался, что соответствовало действительности. Если в 1940 г. средняя выдача зерна по трудодням в расчете на один колхозный двор составляла 8,2 ц., то в 1947 г. – 4,2 ц., а средняя выдача зерна на 1 трудодень колхозникам и трактористам снизилась с 1,65 кг в 1940 г. до 1,02 кг в 1947 г. В 1948 г. 73% колхозов выдавали на трудодень от 100 гр. до 1 кг зерна, 23% – от 1 до 3 кг, около 1% – более 3 кг, а 4 386 колхозов – ни грамма. В 1952 г. на один трудодень выдавалось: в Калужской и Тульской областях – 1 коп., в Рязанской и Липецкой – 2, Брянской и Псковской – 3, Костромской и Курской – 4 коп. Многие колхозы годами не выдавали на трудодень ни одной копейки. По воспоминаниям Хрущева, незадолго до смерти Сталин изменил отношение к колхозам и предлагал распустить совхозы по причине их убыточности, а землю передать колхозам и с большим трудом удалось убедить тогда Сталина и сохранить совхозы.

В заключении, мне хотелось поддержать точку зрения Н.В. Асонова о том, что Хрущев, равно как и Брежнев, и другие партийные руководители, стали «достойными» наследниками и продолжателями ряда положений

сталинской политики по отношению к колхозам, крестьянству. Административно-командная система, созданная при Сталине, в последующие годы была усовершенствована, а методы изъятия доходов крестьян через налоги, обязательное страхование, высокие цены на материальные ресурсы для села и низкие цены на сельхозпродукцию, навязанную продажу техники при реорганизации МТС, увеличивали число убыточных и низкорентабельных хозяйств. В засуху 1963 и 1972 гг. были применены практически те же жесткие методы продразверстки, что и в 1946–47 гг. Практика укрупнения мелких колхозов была дополнена политикой их преобразования в совхозы, политикой ликвидации «неперспективных» населенных пунктов. В итоге: если в 1940 г. было 236,9 тыс. колхозов, то в 1950 – 123,7, 1960 – 44,9, 1970 – 33,6, 1980 – 25,8, 1990 – 29,1. За период между переписями 1959 и 1989 гг. только Россия потеряла более 130 тыс. населенных пунктов. Шел постоянный процесс сокращения сельского населения. В 1926 г. сельское население СССР составляло 82%, 1939 г. – 67%; 1959 г. – 52%, 1970 г. – 44%, 1979 г. – 38%, 1990 г. – 34%.

Н.Л. Рогалина: Наш сегодняшний разговор на тему: «Сталинизм и крестьянство» отражает наиболее насущные проблемы, связанные с анализом кризиса новой экономической политики, с трактовкой социальной структуры крестьянства 1920-х гг., пониманием сущности и назначения колхозов и, в целом, с осмыслением феномена сталинизма.

Находясь в гуще современных споров, мы аргументированно отбрасываем былые авторитетные мифы о ленинском кооперативном плане; о возможности переформатировать и сохранить НЭП. Новая экономическая политика явилась первой социалистической реформой, направленной на восстановление народного хозяйства с одной стороны, и на подготовку условий для индустриальной модернизации – с другой. Крестьяне не получили чаемой земли. Согласно Земельному кодексу 1922 г. они выступали пользователями государственной земли, а национализация земли, монополия внешней торговли и масса иных ограничений не делали их собственниками земли.

Что же касается связки колхоз– община, то мне представляется важным уточнить принципиальную разницу между ними. Община землей распоряжалась, а колхоз только пользовался землей – государственной собственностью. В общине крестьянин был собственником произведенной продукции, в колхозе – нет. Ею формально распоряжался колхоз, но фактическим хозяином было государство, а колхозник как личность был бесправен. Сравнивая колхоз 1930-х гг. с общиной 1920-х гг. академик А.А. Никонов указывал на важное различие между ними: «...колхоз означал не прогресс, не шаг вперед, а глубокий откат назад даже по сравнению с общиной, которую критиковали за консерватизм, за торможение прогресса, глушение личного интереса, сдерживание роста производительности. Колхоз сделал только одно: создал огромные по площади поля, дал простор технике. Но не человеку».

На вопрос: трансформировалась ли община в колхоз или уничтожена в них, нет однозначного ответа в нашей историографии. Реально колхоз представлял собой худший вид общины. С колхозами возродилась достопыпинская община с ее круговой порукой, «коренившейся не столько в крестьянской традиции, сколько в государственном законодательстве», – писал П.Н. Зырянов. Это действительно так, но такое возрождение (в форме государственного «приневоливания») коснулось теперь не 15 млн хозяйств, а почти 250 тыс. колхозов. Вероятно, следует вести речь не столько о трансформации «общинности в колхозность», сколько о своеобразной форме государственного патернализма.

Мне было интересно участвовать в развернувшейся полемике, прислушиваясь к логике мышления коллег по названным вопросам. Во-первых, хотелось бы уточнить понимание колхоза как инструмента, нащупанного методом проб и ошибок, как безотказного, на восходящей фазе государственного социализма, механизма управления крестьянством. Конечно, решить продовольственный вопрос, а тем более обеспечить хозяйственный порядок в деревне через колхозную систему не удалось, Хлебный экспорт

быстро иссяк, погребя под своими руинами миллионы крестьянских жизней. Пятилетка окончилась голодной катастрофой и к середине 30-х гг. власти, вынужденные отказаться от идеи безрыночного социализма, стали искать консенсус с колхозниками на почве маленького, но гарантированного личного подсобного хозяйства.

Причины победы государства над крестьянами часто связывают со стихийностью и локальностью, с разнородностью их положения и интересов. Назвать то, что творилось гражданской войной, на мой взгляд, нельзя: крестьяне оборонялись. Их террор был ответным, вынужденным и запоздалым. Очевидно, что сталинская власть сумела с самого начала перевести борьбу крестьян против внешней силы – государства – в борьбу внутри самой деревни. Изучая социокультурные (в широком смысле) результаты и последствия отечественной коллективизации, мы пытаемся ответить на главный и сакраментальный вопрос: почему погибло крестьянство в крестьянской стране? Для этого должно быть продолжено исследование соотношения политики и экономики, власти и общества применительно ко времени и месту, то есть в хронологическом и региональном разрезе.

Ключевой вопрос: «почему режим устоял?» (С.Ю. Разин) – это – вопрос о корнях сталинизма, об источниках его социальной поддержки. Разин правомерно определяет сталинизм как политику проведения форсированной модернизации, включающей в себя в качестве двух взаимосвязанных элементов индустриализацию и коллективизацию. Добавим и третью составную часть: культурную революцию, как широкую образовательную кампанию со строго политическими целями. Как мы можем судить хотя бы по итогам переписи населения 1937 г., успехи на этом пути были весьма скромными.

Русское крестьянство не осознавало советскую власть как «свою», о чем свидетельствуют письма во власть, регулярные сводки ОГПУ о политическом и экономическом положении в стране. Широко известна крестьянская трактовка аббревиатуры ВКП (б) как «второе крепостное право (большевиков)». Работая с источниками 30-х гг. можно выделить три ключевых слова крестьянских

посланий в адрес власти и колхозной системы: «Соловки–барщина–бесхозяйственность».

Анализируя причины крестьянского смирения перед системой, остановимся на двух: 1) народ в своем большинстве идет за более сильными, победившими, тем более что тяга к равенству (уравнительности) сближала общинные идеалы крестьян и доктринальные установки большевиков; 2) высокая социальная мобильность, вызванная революцией и ускоренной модернизацией; возможность достаточно быстро в условиях кадровой революции повысить свой статус.

Для продолжения нашего разговора на заданную тему предлагаю обсудить реальные достижения сталинизма в 30-е гг., применительно к крестьянству в области экономики, образования и культуры. Где правда, а где вымысел? Встает проблема количества и качества этих достижений. А также критериев. С чем сравнивать? С дореволюционной Россией или с Западом в те годы?

А.Н. Медушевский: Переход от аграрного общества к индустриальному связан с коммерциализацией поземельных отношений, ростом социальной дифференциации и разрушением традиционного социального уклада деревни. Социальный конфликт, порожденный промышленным переворотом, может получить разрешение или в результате поступательного развития рыночной экономики (английское «огораживание»), или в результате радикального социального переворота (Французская революция и Кодекс Наполеона, обозначившие переход к коммерческому использованию земли и ее включение в гражданско-правовое регулирование) или в результате осуществления коммунистической экспроприации крестьянства государством (русская революция и китайская революция).

Коммерциализация аграрных отношений повсюду вела (при сохранении традиционных форм сознания и техники производства) к расслоению крестьянства, к появлению проблемы «малоземелья» и к появлению избыточного аграрного населения, которое некуда было девать. В мировой

истории решение аграрного вопроса часто определялось именно таким образом – выведением избыточного аграрного населения путем колонизации новых территорий; экономической эмиграцией новых бедных в колонии (Великобритания); началом военной экспансии, в особенности после крупных внутренних социальных потрясений (например, наполеоновские войны), восстановлением в новых условиях принудительного труда. Именно эта третья модель реализовалась в постреволюционной России и особенно четко представлена в сталинизме как модели социального конструирования. Почему в России возобладала именно эта модель развития?

Особенностями функционирования данной системы стали восстановление прикрепления крестьян к земле, отчуждение земли и передача ее в собственность государства, когда отношения между собственником (государством) и пользователем (колхозным и совхозным крестьянством) строятся на основе административного принуждения и подавления личных прав (при фактическом отсутствии возможности свободного передвижения). Данная логика развития ведет к последовательному отказу от таких институтов как фермерское хозяйство (начавшее формироваться в результате разрушения общины в рамках столыпинской программы реформ); кооперация мелких аграрных производителей (возникших в результате реализации эсеровской программы уравнительного распределения земли); установление различных форм долговременной аренды как основной формы землепользования (нечто в роде публичного сервитута). Не удалась и концепция экспорта аграрной революции – попытка компенсировать отсутствие позитивной стратегии преобразования аграрных отношений распространением их экстенсивной формы на другие страны. Невозможность со стороны Коминтерна с помощью аграрных революций навязать другим странам экстенсивную программу уравнительного передела земли вела в свою очередь к отказу от нее внутри страны – переходу к возрождению модифицированной модели служилого государства в новых условиях. Осуществление этого замысла в ходе коллективизации и форсированной индустриализации стало возможным лишь

при условии отчуждения земли у производителей и создания мощного нефеодалного слоя агрономенклатуры.

Концепция государственной школы, объяснявшая развитие российского общества как смену периодов закрепощения и раскрепощения сословий государством – вполне работает при объяснении данного феномена. Конечно, речь не идет о крепостничестве или рабстве в юридическом смысле (рабами – в римском смысле – нельзя признать и заключенных ГУЛАГа), но фактически положение данной социальной категории было близко к крайним формам феодальной зависимости. В результате т.н. «социалистической национализации» происходит возрождение института государственных крестьян как особого сословия. Эта последняя модель (реализованная в период коллективизации) очень напоминает правовой статус колоната, представлявшего собой фактическое восстановление крепостничества без его формальной юридической фиксации (именно таково было определение колоната, данное известным русским историком М.И Ростовцевым). Условный характер землепользования был дополнен безусловным контролем за его осуществлением. Декларировавшееся право на землю обернулось для крестьян обязанностью работать на ней и отсутствием свободы выбора.

В результате огосударствления и централизации экономики в СССР был создан тип хозяйства, основанный на государственной собственности на землю и средства производства, не только отрицавший рыночные отношения и возрождавший натуральный обмен, но и приводивший к ретрадиционализации социальных отношений – созданию квазисословной иерархии социальных слоев, выстраивавшихся по линии доступа к распределительной системе государства. Дисциплина, подчинение, зависимость – становились средствами идентификации личности с коллективом в рамках закрытой информационной системы и создания атмосферы псевдотворческой активности.

Режим целенаправленно формирует такую организацию общества, которая обеспечивает управление людьми при помощи контроля за их основополагающими потребностями, передвижением и изменением

социального положения. Институциональное выражение данный принцип находит в колхозах, сохранивших определенную преемственность к традиционной крестьянской общине (упраздненной в 1930 г.) в качестве структуры, выступавшей посредником в отношениях крестьян с государством (с восстановлением традиционной круговой поруки); в жилищном контроле (замена кооперативов и товариществ домовыми комитетами), контроле на предприятиях и учреждениях (отделы кадров), общем политическом контроле (партийные ячейки, создаваемые по производственному принципу). Основа всех этих форм контроля – отчуждение собственности у населения (земли – у крестьян, заводов – у производственных коллективов, жилья – у жителей домов) и установление жесткого распоряжения бюрократии над перераспределением имущества (через различные типы регистраций). Контроль над собственностью и имуществом со стороны государства давал огромную (в идеале тотальную) власть над личностью – тот ресурс, который мог быть использован как для экономической мобилизации (и переброски ресурсов), так и для репрессий.

Данный тип государственности не случайно определялся исследователями как «литургическое государство» (по аналогии с Византийской империей), как «азиатский способ производства» или «восточная деспотия» (по аналогии с азиатскими деспотиями Востока), как «служилое государство» (по образцу Московского государства допетровской эпохи), поскольку основывался на феномене государственной собственности на землю и на «пожирании общества государством», когда их вообще становилось трудно разграничить – феномене, возрожденном к жизни после революции 1917 г. и достигшем пика формы в социально-политической системе сталинизма.

Социализм, следуя известному афоризму, – это самый мучительный путь перехода от феодализма к капитализму. Сталинизм, по аналогии – это способ разрешения проблемы традиционного аграрного общества ценой уничтожения

крестьянства. Подробнее об этом – в моей статье «Сталинизм как модель социального конструирования» (Российская история, 2010, № 6).

В.В. Кондрашин: Позволю себе тезисно отреагировать на наиболее важные проблемы развернувшейся дискуссии. Скажу сразу, что мне очень близка позиция С.Ю. Разина. Вторая моя мысль – это то, что нельзя игнорировать в нашей дискуссии мнения по обсуждаемым аспектам проблемы общепризнанных в аграрной историографии, крестьяноведении и советологии специалистов, как бы высоко мы себя не ценили.

Мне просто не по себе от рассуждений некоторых участников круглого стола по поводу общины и колхозов, что коллективизация – это попытка «вернуть восточного славянина в его исконную систему ценностей», что в колхозах «в определенной мере были воплощены принципы вечевого демократии и элементы соборной организации государства». Все это реанимация самых реакционных взглядов трапезниковщины и сталинской пропаганды. Как будто бы не было работ В.П. Данилова, Н.Я. Гущина, М. Левина, Х. Окуды и других на эту тему, в которых доказано, что община и сталинские колхозы – это антиподы. Общину не приспособляли, а уничтожали, лишая ее прав участия в земельном вопросе, в деревенском самоуправлении, путем передачи ее функций сельскому совету и вытеснения из жизни села наиболее влиятельных крестьян-«кулаков». Для Сталина и его сторонников община была врагом, а не союзником. Свою функцию защитницы крестьянских интересов и формы организации крестьянского противостояния с государством община ярко продемонстрировала и в годы столыпинской аграрной реформы, и в годы «общинной революции» 1917 г., и в ходе крестьянских восстаний против политики большевиков в гражданской войне, и в период коллективизации!

Что же касается колхозов, то сами крестьяне называли их «вторым крепостным правом большевиков». Их организация не имела ничего общего с общинными традициями. Колхозные собрания – это традиционный сельский сход, где решались проблемы села в его интересах? Нет, это не так. Это

С.П. Трапезников, для того, чтобы обосновать историческую закономерность сталинской коллективизации, придумал сказку о колхозе как о новой форме крестьянской общины. Но имеющиеся на данный момент знания на эту тему не оставляют камня на камне от этого мифа. Поэтому стоит ли ломиться в открытую дверь?

В связи с этим сразу же возникает вопрос о крестьянском сопротивлении коллективизации и сталинизму. Здесь было заявлено, что сопротивление коллективизации было «относительно невысоким», что остается открытым вопрос о «сопротивлении крестьян в регионах коллективизации, подвергшихся голоду». Я не знаю, почему появляются такие вопросы. Как будто бы в последние десятилетия по этому поводу в историографии была тишина, и не было монографий Н.А. Ивницкого, Л. Виолы, Ш. Фицпатрик и др.! Приведу ряд цифр. По подсчетам О.Б. Мозохина за годы двух первых пятилеток по линии ОГПУ было арестовано 1 689 862 крестьянина. Ивницким и Даниловым установлено, что только в 1930 г. в СССР было 13 754 крестьянских выступлений против коллективизации, в которых участвовало 2 468 625 чел. Что это, «относительно невысокое сопротивление»?!

Другое дело, что, действительно, правомерен вопрос о причинах успеха сталинистов, их победы над крестьянством. И здесь снова хотелось бы напомнить уважаемым коллегам, что эта проблема также изучалась современными исследователями, и уже имеются вполне аргументированные суждения на этот счет. Почему то все забыли о результатах грандиозного проекта Данилова–Шанина о крестьянской революции в России. Благодаря ему, мы детально знаем механизм крестьянского вооруженного повстанчества против власти. В 1919–21 гг. махновцы и антоновцы смогли создать свои повстанческие армии, потому что была слаба большевистская власть в их регионах, и у них в руках оказалось оружие. Антонов разоружил эшелон чехословаков и роздал его оружие повстанцам, Махно к приходу большевиков имел под своим командованием уже воевавшие и вооруженные немецким

оружием крестьянские отряды. Поэтому эти два феномена крестьянской войны и состоялись. Ничего подобного не было в других регионах.

А в период коллективизации у крестьян было оружие, и власть была слабой? Вот первая часть ответа. Вторая же заключается в том, что сталинский режим очень умело лишил крестьян их опоры в крестьянской Красной армии. Ее не задействовали в коллективизации (за единичными исключениями), поручив всю черную работу ОГПУ. Над красноармейцами крестьянского происхождения был установлен тотальный контроль, под опеку государства были взяты их семьи, которым помогали во время голода 1932–33 гг. и т.д. Почитайте на эту тему замечательную монографию Н.С. Тарховой «Красная Армия и коллективизация», а также первые три книги документальной серии Федерального архивного агентства РФ «Голод в СССР. 1929–1934 гг.».

В данном контексте, на мой взгляд, заслуживают внимания и работы японского историка Х. Окуды на тему сельских активистов. Он очень убедительно показал, что в период коллективизации в советской деревне Сталин имел опричников, верных ему и его политике. Они-то при поддержке всей мощи административно-репрессивного аппарата государства и обеспечили ему победу над крестьянством.

Не могу не отреагировать и на заявление участников дискуссии, что «колхозная система есть управленческая система», что «колхоз – это не хозяйство, а механизм управления сельской местностью». У меня сразу же возникла ассоциация с резервациями американских индейцев, куда их загнали «белые волки», чтобы контролировать и управлять. Что наши крестьяне – это американские индейцы, которыми надо было управлять ради контроля? Советские колхозы – это особая форма сельской экономики (крупное производство с высокой товарностью), удобная для извлечения ресурсов. Эта система показала свои мобилизационные возможности в годы войны. Ее создавали именно для этого, а не для контроля над крестьянством. Вряд ли стоит, анализируя колхозную экономику, забывать о принципе историзма и

рассуждать о ней в застывших категориях теории крестьянского хозяйства, без учета конкретно-исторических особенностей эпохи. Тот же В.П. Данилов, например, считал, что колхозы сами по себе не являлись неэффективной формой организации производства. Их нужно было только освободить от чрезмерной дани. И когда она заметно ослабла, колхозы проявили себя. Я, например, написал на эту тему историю колхоза-миллионера «Красная Звезда» села Лох Новобурасского района Саратовской области в рамках проекта Т. Шанина.

Несколько слов о сталинизме. Я поддерживаю идею прекрасного знатока советской истории, американского ученого М. Левина, бывшего друга Данилова и Шанина, что нельзя автоматически выводить сталинизм из ленинизма. Здесь прозвучала мысль, что сталинская идеология – это «продолжение ленинской идеологии с четким ориентиром на мировую революцию». На самом деле все гораздо сложнее. Из теории марксизма вытекало два варианта решения крестьянского вопроса – насильственный и ненасильственный. Идеи Ленина о дальнейших судьбах советской деревни не имели ничего общего со сталинской коллективизацией. Они не были оформлены как план, но в совокупности составляли его. Так считал Данилов, Левин и др. И мне их аргументы понятнее, чем рассуждения об отсутствии плана по формальной причине: не был оформлен в виде речи, статьи, брошюры, книги и т.д.

Говоря о сталинизме и крестьянстве, следует обратить внимание и на такой аспект, который фактически выпал из поля зрения специалистов – влияние внешнего фактора. На него указал, например, на первой международной конференции в Москве по истории сталинизма А.О. Чубарьян. Коллективизация никогда бы не началась в такой спешке и с помощью таких варварских методов, если бы сталинский режим не получил поддержку извне. Разве стал бы Сталин загонять крестьян в колхозы в 1930 г., если бы знал, что не продаст зерно за границей? В 1930–32 гг. была проведена очень успешная коммерческая операция «хлеб в обмен на валюту, валюта в обмен на станки».

Поэтому западные страны должны разделить ответственность со сталинским режимом за трагедию советской деревни.

П.П. Марченя: В принципе, я совсем немного хочу сказать. Собственно, я вообще хотел сначала помолчать. У нас сегодня здесь столько крестьяноведов, в том числе, и тем более – без преувеличения, мирового уровня, что, действительно, грех не помолчать, когда есть что послушать. Да и, в конце концов, помолчать вместе с Теодором Шаниным – это дорогого стоит. Поэтому я и не буду ничего говорить в формате утверждения. Но, не предлагая ответов, я все же попытаюсь сформулировать несколько вопросов, которые, на мой взгляд, являются смысловыми в рамках поднятой нами проблемы.

Во-первых, если уж мы рассматриваем сталинизм с точки зрения того широкого подхода, о котором договаривались изначально: сталинизм как феномен – это феномен антикрестьянский, чуждый крестьянству, внешний по отношению к крестьянской природе России? Или это плоть от плоти, кровь от крови крестьянский феномен, развитие некоторых интенций, которые, собственно говоря, содержатся в самой природе крестьянской общины? *Это раз.*

Далее. Практически каждый исследователь, который в последние 200 лет пытался серьезно вникнуть в проблему взаимодействия власти и крестьянства в России, не удержался от того, чтобы повторить классическую пушкинскую банальность о бессмысленном и беспощадном русском крестьянском бунте. Мы, конечно, все знаем, что он не бессмысленный. Однако спорить по поводу того, что он беспощадный, вряд ли стоит. Но разве бессмысленная и беспощадная власть – это не есть оборотная сторона крестьянской природы, разве это не адекватный – и, возможно, единственно адекватный – ответ на вызов своей собственной – в свою очередь, беспощадной – исторической эпохи? Ни в коей мере не желаю воспевать «прелестей кнута»... Но разве беспощадный бунт и беспощадная власть (тем более, повторюсь: и то, и другое отнюдь не бессмысленно) не изоморфны друг другу, не образуют некое органичное единство? *Это два.*

И, в этом смысле, вообще «Красная империя» и «Красный император» – разве эти феномены мыслимы вне крестьянской мифологии, вне крестьянских идеологем, вне представлений о Грозном Царе – Спасителе и Надеже, вне легенд «О Далеких землях», «О мужицком царстве» и т.п.? *Это три.*

А разве сама государственная природа сталинизма, само то государство, которым стала Россия при Сталине – разве это не огромная крестьянская община, которая видит себя как «мир» и из века противостоит миру другому, чуждому и враждебному, и в своем собственном мире наводит порядки, руководствуясь свойственными крестьянскому сознанию мировоззренческими императивами и архаическими антитезами «Свой–Чужие» и «Кто не с нами, тот против нас»? Разве тот – надлокальный советско-имперский макро-«мир», пришедший на смену множеству локальных крестьянских микро-«миров» – не сохранил преемственности от общинной матрицы российской цивилизации? Узаконенные режимом всеобщая регламентация жизни, «демократический централизм», авторитарный коллективизм, патернализм, эгалитаризм, синкретизм, тождество прав и обязанностей, даже календарь выходных и праздников и т.д. и т.п. ... – разве все это не есть воспроизведение традиционных черт общинной модели в масштабах всей страны? *Это четыре.*

Да и та же коллективизация, которая столько раз недобрым словом помянута было сегодня за нашим «круглым столом» – это что, какой-то абсолютно внешний по отношению к русскому крестьянству проект? Или это реализация того, что уже было потенциально заложено в самом крестьянстве? Разве это не – пусть не самый лучший, но все-таки – вариант развития крестьянской общины? И разве у процесса явного «раскрестьянивания» сталинской России, о котором столько сегодня говорили, не было неявной, изнаночной стороны – «окрестьянивания», при котором вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна превращалась в одну гипертрофированную крестьянскую «коммуну», «социалистическая экономика» которой резонировала с общинной «моральной

экономикой», а все базовые идеологически «новые» ценности корреспондировали с устоями сельского «мира»? Разве само крестьянство не приносилось в жертву во многом именно во имя воплощения крестьянской утопии? *Это пять и шесть.*

Я думаю, что мы, с точки зрения вот такого «широкого подхода», совершенно напрасно оторвали сталинизм от крестьянства. Пожалуй, не стоит срывать в крайности. Что лучше: обличать «крестьяноборческую» антиутопию сталинского режима или воспевать сталинскую Россию как страну победившей крестьянской утопии (пусть и возглавила ее «антикрестьянская» власть)? Наверно, и то, и другое уводит наш «стол» от «нащупанной» сегодня темы – как одной из ключевых не только для крестьяноведения, но и для россияноведения в целом. Надеюсь, что в рамках нашего семинара мы еще обсудим поставленные вопросы. И что Теодор Шанин не будет молчать.

Т. Шанин: Я хочу сказать, что мне сейчас было необыкновенно интересно молчать. Потому что было сказано очень много интересного и важного. И так же я лично получил необыкновенно сильные чувства. Состоявшееся сегодня заседание продемонстрировало, что проблематика русского крестьянства не умерла. Я собираюсь приходить теперь всегда, на все заседания семинара. Я думаю, что так много было положено сейчас на стол, так сказать, с точки зрения информации и вопросов, которые надо обсудить, что я не уверен, что лучшим способом было бы прямо теперь продолжить. Я думаю, что, быть может, стоит сейчас помолчать. Нужно непременно встретиться опять для рассмотрения этой темы. Действительно, так много «легло на стол», что я лично, несмотря на то, что это «мое поле», чувствую, что меня «засыпало» разной информацией и разными вопросами. И хочется сначала подумать, и потом продолжить, а не спешить. Предлагаю определить время встречи – и продолжить. Было действительно очень много интересного сказано и было поставлено много необыкновенно важных вопросов. Выражаю свои комплименты коллегам.

В.В. Бабашкин: Попытаюсь ответить на четвертый из вопросов, которые вбрасывает в повестку дня П.П. Марченя. Убежден, что именно так и нужно формулировать: распространение основ общинного (коммунального) устройства на все общество в целом. Сталину удалось то, что не удалось Столыпину. Последний желал развалить общину при помощи рыночных инструментов и механизмов. Такое возможно, но для этого требуется рынок и время. В России не было ни того, ни другого.

В 1922 г. крестьяне победили в своей революции, о которой писали В.П. Данилов и его единомышленники и которая длилась 20 лет. Неполное 10-летие НЭПовского рынка – это, конечно не то время – да и не тот рынок. Но нельзя отрицать, что к началу коллективизации община на локальном уровне ослабла – расслабилась после огромного напряжения всех своих ресурсов сопротивления царизму, а также «демократии» (Временное правительство) и «военному коммунизму». Одним из факторов, способствовавших этому расслаблению, было, безусловно, и то ощущение, о котором здесь много говорилось, что с начала 20-х гг. Советская власть – это *своя* власть, мужицкая.

Столкновение укрепившегося сталинского политического режима и расслабившейся общины было неизбежным. Произошло это чисто по-русски: рубить – так сплеча. Община рухнула – причем, как и Храм Спасителя, не с первой попытки, а – после «Головокружения от успехов» – со второй. Все общество, образно говоря, было с головой завалено обломками этого гигантского разрушения, и кроме этих обломков другого материала для строительства светлого будущего не было. Поэтому и ничего другого нельзя было построить, кроме как гигантскую общину всесоюзного масштаба во главе с Всесоюзным старостой (формально) и мужицким царем, скорым на расправу со всеми теми, «кто не с нами».

Я начал писать обо всем этом еще тогда, когда прочитал у М.Л. Левина, что социальную основу сталинизма составляли коллективизированные крестьяне в деревнях и урбанизированные крестьяне в городах. Его книгу «Русские крестьяне и Советская власть» мы обсуждали на заседании семинара

«Современные концепции аграрного развития» 20 лет назад. Тогда одним из лейтмотивов обсуждения была потенциальная историческая альтернатива политике коллективизации. Сегодня эта постановка вопроса даже не прозвучала – очевидно, этот, в общем-то плодотворный, метод исследования политики сталинизма потихоньку себя исчерпывает.

Очень важные выступления М.М. Кудюкиной и И.В. Гончаровой помогают лучше понять сложную проблему той специфической сопряженности, которая существовала между реальной социально-психологической ситуацией в НЭПовской деревне, идейно-политическими мероприятиями партии и грядущей сталинской коллективизацией. Конечно, кулаков в деревне было на порядок меньше, нежели оказалось впоследствии раскулаченных; да и взгляд на кулака изнутри деревни и с уровня партийной идеологии обнаруживал существенные различия. Но важен сам факт заинтересованного участия крестьян в дискуссии «Кого считать кулаком, кого – тружеником», которая велась на страницах «Крестьянской газеты» в 1924–25 гг., как и тот факт, что только в эту газету в 1923–33 гг. пришло из села порядка 5 млн писем. Крестьяне в письмах «наверх» активно размышляли, «как нам обустроить Россию». И в этих проектах явно прочитываются черты векового коммунального обустройства жизни подавляющего большинства населения страны.

В.Б. Безгин: Сегодня поднята очень важная в методологическом плане тема соотношения политики власти по преобразованию страны, в ее большевистском варианте и судьбы традиционного социума России – крестьянства. В ходе обсуждения были выдвинуты принципиально новые подходы, которые требуют глубокого и неторопливого осмысления. Если же говорить о тех суждениях, которые вызваны настоящим обсуждением, то хотелось бы поделиться с уважаемыми коллегами следующими соображениями.

Судьба крестьянской поземельной общины в России является одной из дискуссионных проблем современной отечественной историографии. Куда

девалась община? Она устояла под натиском столыпинских реформ. 1917–20 гг. – период, когда уравнильно-распределительные функции общины проявились максимально в ходе аграрной революции и раздела бывших частновладельческих земель. Тогда же общинная взаимопомощь оказалась незаменимой в условиях военно-коммунистической диктатуры. Историки сходятся на том, что в 1920-е гг. роль общины в хозяйственной и культурной жизни деревни также была высока. Коллективизация сельского хозяйства подвела под историей общины черту. Видимое отсутствие предпосылок для этого привело исследователей к точке зрения, что советская власть «отменила» общину, которая была «отброшена за ненужностью». Столетиями существовавший институт самовоспроизводства и самосохранения крестьянства оказался упразднен большевиками за какие-то 2–3 года.

На мой взгляд, судьба крестьянства в Советской России была напрямую связана с существованием общины. Ее уничтожение (а точнее, замена советской системой) и стало для власти первым шагом в борьбе с крестьянством. Если это признать, то становится объяснимо отсутствие сопротивления сталинской коллективизации. Во всех случаях открытой конфронтации деревни и власти, будь-то аграрные беспорядки начала XX в., «черный передел» 1917 г. или крестьянская Вандея гражданской войны, консолидирующая роль и организующая сила общины были очевидны.

Чтобы понять трагедию деревни периода коллективизации, следует уяснить логику действия коммунистической власти в 1920 гг. Здесь уже говорилось о том, что принятие Земельного кодекса 1922 г. стало победой крестьянской революции, но я бы добавил «пирровой победой». Земельный Кодекс оставлял право перераспределения земельных участков за общиной, но ограничивал возможности его применения. В Земельном кодексе отсутствовало указание, что первой инстанцией при разрешении любых земельных споров является сход земельного общества. Сельский сход юридически в советском законодательстве вообще не существовал. Основанная на обычае практика регулирования вопросов землепользования в общине передавалась государству.

В свое время О.Ю. Яхшияном была высказана точка зрения, что в деревне 1920-х гг. работали советские должности, соответствующие традиционным должностям общинного самоуправления. Там, где сельсовет не мог быть замещен общиной, он фактически не существовал. Однако работали не должности, работали функции общины. Причем функции настолько важные, что они закреплялись и институализировались в виде должностей. Функции общины и социалистического государства совпадали, поэтому должности мирского самоуправления включались в государственный аппарат.

В том, что собрание сельсовета и сход сельского общества для крестьян были равнозначны, следует видеть причину быстрой советизации России в первой половине 1918 г. Советизировалась община. Предположительно, по той же причине оказался неустойчивым институт земств. Принципы формирования советов по производственному признаку и соединения законодательной и исполнительной властей соответствовали общинной организации. Практика советов соответствовала их идеальному типу. В историографии подчеркивалось неоднократно, что советы не являлись выдумкой большевиков, эта идея была ими подхвачена и использована.

Во второй половине 1920-х гг. отмечался отход от закрепления и воспроизводства внутриобщинных отношений в институте сходовой демократии, значение которой начинает стремиться к минимуму. Процедуры, нормы и правила формализуются не в демократических институтах, а в институтах исполнительной власти. Рост экономики и переход к индустриальному обществу приводил крестьянское хозяйство к потребности адекватной реакции. В данном случае важна не принципиальная способность/неспособность общины к нововведениям, а скорость, с которой крестьянин адаптируется к изменению условий среды. Функции общины усложняются, специализируются, происходит рост степени их формализации в системе статусов и ролей, чему способствовала стремительная бюрократизация государственного аппарата.

«Общие начала землепользования и землеустройства», утвержденные ЦИК СССР 15 декабря 1928 г., передавали руководство работой земельных обществ сельским советам. В контексте всего вышеизложенного, сомнительно, чтобы эта мера была каким-то насилием над крестьянством. Законодательство только оформило стихийный процесс перехода общинных функций к структурам государственной исполнительной власти.

Природа сталинизма и советской власти есть явление чисто русское, иначе трудно найти объяснение такой удачной интеграции общины и государства. Нельзя сказать, что сельсовет или колхоз заменили собой общину, слишком грубым будет утверждение, что общину заменило государство. С переходом к индустриальному обществу и разрушением сельского патриархального уклада функции общины размывались по общественным институтам, в частности, переходили к административному аппарату. А это было уже полным поражением общины, а с ней и русского крестьянства в целом.

А.В. Чертищев: Крестьянская составляющая отечественной истории всегда была уникальным объектом научного интереса как российских, так и зарубежных историков, в том числе и такая ее проблема, как взаимоотношения этого социального слоя с властью. Предмет обсуждения требует определения понятийного аппарата. Мы предполагаем, что далеко не всякий, кто работает на земле – крестьянин. Необходимым условием крестьянственности является единство работника с природными условиями производства – собственность на землю, и особая социальная организация – община. Именно на разрушение этой организации и лишение крестьян их собственности и была направлена коллективизация – финальный раунд выяснения в русской истории взаимоотношений между властью и крестьянством. Под сталинизмом следует, на наш взгляд, понимать теорию и практику управления всеми сферами жизни общества, основанные на тотальном насилии и тотальной лжи. Суть сталинизма в убеждении: не так важно, что люди себе мыслят, а важно то, что они должны мыслить и делать.

Пожалуй, ни одному социальному слою российским государством не уделялось столь пристального внимания, как крестьянству. Коллективизация была четвертой аграрной реформой за 70 лет, третьим преобразованием села в XX в.: Великая реформа 1861 г., столыпинская реформа, аграрная революция 1917–18 гг. Можно сказать, село привыкло не к покою и устойчивой жизни, а к постоянным переменам. За это время и по настоящий день взаимоотношения власти и крестьянства обросли невероятным количеством мифов. Наиболее далеки от реальности взгляды об особом коллективизме крестьянина – природного общинника – и распространении основ его на всю российскую цивилизацию. Община как свободное трудовое сообщество в прошлом и ее исследования показывают, что в фундаменте ее экзистенции лежат противоречивые тенденции: стремление к становлению нормальной частной собственности на землю и необходимость постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований», то есть перманентный передел. Однако саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях: как ни парадоксально, они были лишь разными проявлениями одной сущности. Факты российской истории убедительно свидетельствуют, что традиционная крестьянская община уже во второй половине XIX в. находилась в стадии разложения в экономическом, политическом, социальном и духовно-нравственном отношениях, сохраняя ограниченный административный ресурс, но задыхаясь от навязанных ей государственно-фискальных функций и перенасыщенная мироедским насилием. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что субстанция общины тоже менялась: она становилась более открытой миру, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации, и, в первую очередь, кооперацию. Не исключено, что община трансформировалась в нечто социально устойчивое, эффективное, адекватное русской современности, в нечто в духе Чаянова–Кондратьева, пока в 1929 г. ей не «сломали хребет». Человеческая цивилизация выработала лишь два типа коммуникативных связей: власть-подчинение и свободное взаимодействие. Поэтому подлинный коллективизм возможен только в

свободном обществе, а не под давлением государства. В силу данных обстоятельств, вполне справедливым выглядит утверждение В.П. Булдакова, что русский человек не коллективист, а антиколлективист, не индивидуалист, а антииндивидуалист.

По нашему мнению, более осторожно следует относиться к треугольнику бессмысленный и беспощадный крестьянский бунт – бессмысленная и беспощадная власть – бессмысленная и беспощадная эпоха. Делая акцент на общинной природе русского патриархального сознания, на общинном «мы», консерватизме крестьянства, его предубеждению к всякого рода новшествах, изменению социально-экономического положения, хозяйственного уклада жизни, некоторые историки безосновательно считают крестьянство главной угрозой советскому строю. Согласиться с этим – значит признать, что Сталин правильно поступал, стараясь свести со света это сословие, якобы мешавшее строительству нового общества в России. Диалектику же в отношении крестьянства к государственной власти можно представить следующим образом. Да, крестьянин в России всегда нуждался в крепком государстве, в крепкой власти, видел в ней защитника. Его представления о Грозном Царе – Спасителе и Защитнике (но не исключительно Насильнике!) общеизвестны. Но это только одна сторона медали. Другая, не менее важная, состоит в том, что сам крепкий, дельный крестьянин не любит участвовать в организации государственного дела, тем более в распоряжениях власти на свое хозяйство. Так было всегда на протяжении веков.

Вызывают сомнения и утверждения, что советская власть имела прочную опору в деревне, что крестьянство приняло ее как свою. На наш взгляд, речь может идти только о практической адаптации сельского мира к новой реальности, но не о вере новой власти. Человек, который привык всю жизнь планировать, соизмерять, который имеет постоянный контакт с веществом жизни, с землей – с конкретным – никогда не поверит, что в один день можно перевернуть мир, а земля, запряженная в узду государственных декретов, начнет плодоносить без перерыва и без отдыха, как крольчиха. Нельзя не согласиться с точкой зрения,

что крестьянин не знает, не понимает, что такое закон природы. Да, он, наверное, не чувствовал закон как необходимость, пробивающуюся через стихию, но он чувствовал закон как объективный предел, как то, через что не дано переступить никому, даже Богу.

Что такое ленинское 1919–20 гг., а потом сталинское огосударствление аграрного сектора, коллективизация? Ответ на этот вопрос дал Г.В. Плеханов. Он еще в 1907 г. на V съезде партии в полемике В.И. Лениным по поводу аграрной программы РСДРП с блеском доказал, что социализация земли и крестьянского труда в России будет новым изданием крепостного права в России, возвращением к барщине, где помещиком будет коммунистическое государство. Как идею наследования, возвращения на круги своя воспринимали новую систему и сами колхозники, которые (и сегодня об этом говорилось) расшифровывали аббревиатуру «ВКП (б)» как «Второе крепостное право (большевиков)».

А.М. Никулин: Сегодня были еще раз переосмыслены и поставлены ключевые вопросы темы «Сталинизм и крестьянство». Они связаны с целым рядом понятий, которые, так или иначе, звучали в выступлениях участников сегодняшнего заседания. Прежде всего, речь идет о таком продукте взаимодействия власти и крестьянства как колхозы и колхозная система. А.В. Гордон дал своеобразную характеристику колхозной системы как, прежде всего, системы управления крестьянами. Думаю, что мы еще более подробно обсудим эту его характеристику. Безусловно, важное значение имеет и вопрос о расслоении русского крестьянства, затронутый сегодня в нескольких выступлениях.

На мой взгляд, очень интересной является предпринятая сегодня в ряде выступлений попытка рассмотреть проблему сталинизм и крестьянство сквозь призму геополитических и геоэкономических процессов 20–30 гг. прошлого века, а также связанной с этими процессами, борьбы за власть в руководстве ВКП (б) того времени. Сегодня много интересного было сказано Сталине и о феномене сталинизма. В связи с этим хочу вспомнить процитированные в свое

время Т. Шаниным строки одной из редакций стихотворения О. Мандельштама: *Мы живем, под собою не чуя страны, / Наши речи за десять шагов не слышны. / Только слышно кремлевского горца – / Душегуба и мужикоборца...* Так вот я бы назвал Сталина – великим «мужикоборцем» или «крестьяноборцем», а сталинизм бы определил как «мужикоборизм» или «крестьяноборизм». Интересное определение сталинизма дал в своем выступлении С.Ю. Разин. Мне кажется, оно бы очень понравилось Сталину. Это определение, на мой взгляд, точно выражает суть сталинизма. По словам Разина, сталинизм – это попытка проведения модернизации в условиях незавершившейся гражданской войны. Если Троцкий был идеологом перманентной революции, то Сталин – это идеолог перманентной гражданской войны. В завуалированной форме это проявляется в известной формуле об обострении классовой борьбы в период строительства социализма. На мой взгляд, эту знаменитую формулу можно смело назвать формулой перманентной гражданской войны...

С.Ю. Разин: Я не стесняюсь такого сходства, поскольку не вижу в сталинском тезисе ничего из ряда вон выходящего. Если перевести это сталинское высказывание с политико-идеологического языка того времени на язык современных макросоциологических и макроисторических теорий, то получится, что Сталин констатировал факт, согласно которому по мере углубления процесса модернизации растет сопротивление традиционалистских социальных слоев, для которых модернизация представляет смертельную угрозу. Я считаю, что индустриализацию и коллективизацию, с одной стороны, следует рассматривать как финал начавшейся в 1902 г. крестьянской войны, в ходе которой крестьянство боролось за самосохранение против наступавшего индустриализма, а с другой стороны – как финал тысячелетнего противостояния государства и крестьянства, государственного централизма и общинного локализма. В этой связи хочу вспомнить известного американского социолога Б. Мура, которого ну уж никак нельзя назвать сталинистом. В качестве одного из типов революции он выделял так называемые крестьянские

революции, которые, по его мнению, носят антимодернизаторский характер и ведут к ретрадиционализации общества, т.е. к воспроизводству традиционалистских социальных отношений и институтов. Говоря о таких революциях, он сказал, что они рождаются не из победного клича восходящих классов, а из предсмертного рева тех классов, над которыми вот-вот сомкнется волна прогресса. Так что еще раз хочу сказать, что ничего предосудительного в сталинском высказывании не вижу, и сходства одного из положений моего выступления с этим сталинским высказыванием я не стесняюсь.

А.М. Никулин: «Предсмертный рев побежденных волнами прогресса...» – эта музыка всегда ласкает слух вождей «победного клича восходящего класса». Сегодня ликующий Троцкий выбросил кого-то на свалку истории – завтра он сброшен туда же, хрипит, побежденный, с ледорубом в затылке... Иосиф Виссарионович Сталин был, безусловно, прогрессист-модернизатор-победитель. Но как утверждает неканоническое евангелие: «Победа есть истина подлецов». Поэтому предлагаю искать истину не только с победоносной точки зрения прогресса гражданских войн, но и с других точек зрения.

* * *

Участники круглого стола приняли решение о продолжении состоявшейся дискуссии и договорились о том, что осенью 2012 г. (в рамках четвертого заседания постоянно действующего теоретического семинара «*Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории*» Центра аграрных исследований РАНХиГС и научного проекта «Народ и Власть: история России и ее фальсификации») состоится *Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство»*.

Примечания

---

¹ О семинаре см.: *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Российская история*. 2012. № 5. С. 217–219; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянский вопрос – фактор российских реформ и революций // *Обозреватель-Observer*. 2011. № 11. С. 29–44.